АЛЕКСАНДРА ПЛЕН
ЭКСПЕРИМЕНТ

Annotation

Заснуть в одном мире, а проснуться в другом. Где все наперекосяк. Где люди сошли с ума и убивают друг друга. Где ты - слабая беспомощная женщина, а вокруг ни знакомых, ни друзей. И надеяться можно только на себя.

- Глава 1

Эксперимент

Глава 1

Эксперимент

Я очнулась в кромешной тьме. Тело дрожало от холода, сердце стучало медленно и слабо. Несколько минут я лежала в полной прострации, без единой мысли в голове. Потом в памяти всплыли знакомые понятия: «Артериальная гипотензия, возможно, гипогликемия».

— Сейчас всё пройдёт, — движением подбородка сдвинула в сторону дыхательную маску, — пройдёт...

Чуть слышно попискивали приборы. Их привычный ритмичный звук успокаивал. Значит, всё в порядке. Эксперимент удался. Только почему я лежу одна в темноте? Почему вокруг меня не стоят друзья и коллеги? Почему не поздравляют?

Я просканировала собственное тело. Медленно наполнила воздухом лёгкие, глубоко вдохнула, выдохнула, ещё раз, и ещё... Похлопала глазами, пошевелила пальцами рук, ног. Напрягла пресс, бёдра, ягодицы. Вены тут же заныли в местах крепления катетеров. Ничего страшного. Две недели моё тело кормили и поили через трубки, немудрено венам устать. Я опять огляделась. Слабые мигающие огоньки приборов едва освещали небольшое пространство вокруг купола кровати. Дальше, увы, я ничего не смогла разглядеть — чернильный мрак и пугающее безмолвие.

Где же все?

Я прокашлялась и сиплым голосом позвала на помощь.

— Есть кто-нибудь? — из отвыкшего разговаривать горла вырвался едва слышный хрип. — Помогите...

Тишина. Я нащупала экстренную кнопку на койке под правой рукой и нажала. Опять ничего...

Где персонал больницы? Коллеги? Друзья? Что случилось? Мы все так ждали окончания исследования. Этот день должен был стать нашим триумфом, к которому мы шли так долго.

Для эксперимента нужен был доброволец, и я вызвалась сама. Кто лучше опробует оборудование и технологию, чем специалист, который его и разработал?

Три года назад я защитила докторскую диссертацию. Тема была: «Искусственное погружение тела в стазис с минимальной выживаемостью раковых клеток. Автономное жизнеобеспечение на пределе выносливости».

Суть заключалась в том, что больного помещали в искусственную кому. Температура тела поддерживалась на минимуме, редкое кормление осуществлялось автоматически, через катетер. Все функции организма приостанавливались. Голод, холод, полный покой, мембранный плазмаферез с поступлением в кровь химических препаратов, экспериментальных разработок, должны были замедлить и даже полностью остановить распространение в организме раковых клеток. Диагностика состава эритроцитов, лейкоцитов, тромбоцитов, показателей глюкозы, белков и прочего осуществлялась автоматически, сразу подстраиваясь под заложенные программой минимальные показатели. При отклонении от нормы, по капельницам поступало в тело необходимое количество лекарств. Так как обмен веществ в организме приостанавливался, очисткой служил только аппаратный гемодиализ. Чтобы кишечник был пуст, перед экспериментом я голодала несколько дней. Были ещё несколько эксклюзивных изобретений, которые держались в строгом секрете, так как они ещё не были протестированы даже на животных.

В теории развитие болезни приостанавливалось в среднем на 1–2 года при пребывании в камере минимум две недели каждые 3–4 месяца. Пока немного, но я работала над более длительной ремиссией. Противники моей теории твердили, что моё изобретение — это не лечение от рака, а просто продление агонии. Но я парировала следующим: да, это не лечение. Но дать человеку ещё год, два или пять лет — это подарить надежду на то, что за это время изобретут лекарство. Дать талантливому инженеру или музыканту возможность творить ещё несколько лет. На животных было стопроцентно доказано, что нахождение в камере полностью прекращает деление раковых клеток на несколько месяцев.

Я просто опробовала новую аппаратуру. Системы были наполнены глюкозой и витаминами. Следующими добровольцами должны были стать настоящие больные, у которых диагностировали рак второй или третьей стадии. На очереди были несколько

кандидатов, давших своё согласие. Через несколько недель мы собирались запустить первую партию больных.

Три года я боролась за своё детище. Искала спонсоров, обращалась в благотворительные организации, читала лекции. Обошла все больницы, госпитали и научно-исследовательские институты. За это время появились единомышленники, последователи, друзья, а затем и спонсоры.

Я со школы знала, что стану врачом. И не просто врачом, а исследователем, экспериментатором. Когда мне было пятнадцать, мама умерла от рака груди. Трагедия перевернула сознание с ног на голову. Мама вела борьбу с болезнью долго и упорно. На десять лет наш дом превратился в поле битвы, на котором с попеременным успехом велись сражения. От меня она скрывала отчаяние и боль, лечение в хосписах, химию (в это время я гостила у бабушки или меня отправляли на море), но что-то я понимала даже в таком юном возрасте.

Отца я не знала, он ушёл из семьи ещё до моего рождения. После смерти мамы я мыкалась по родственникам до восемнадцати лет, потом поступила в медицинский, и дальше двигалась только вперёд. За двенадцать лет я успела закончить институт, защитить диссертацию, найти спонсоров и построить экспериментальный образец. Сейчас мне тридцать, и я совершенно серьёзно считаю, что достигла поставленной цели. И пусть вся жизнь проходит на работе, пусть у меня нет ни семьи, ни детей — я не жалею. Ещё успеется.

Опять накатила слабость.

Руки и ноги были неплотно зафиксированы мягкими тканевыми ремнями — только для того, чтобы я во сне не перевернулась на бок и не выдернула случайно иглу. Матрас был оснащён крошечными подушечками, наполненными гелем. Программа автоматически меняла местоположение шариков, создавался эффект массажа. Разработка противопролежневого матраса была детищем Кира, с которым мы познакомились год назад на конференции по проблемам реабилитации и восстановления жизненных функций организма больного. Плазмаферез с автоматической диагностикой разработал Джон. Я собрала прекрасную сильную команду и гордилась тем, что мы вместе.

— Только где же вы, дорогие друзья? — пробормотала я себе под нос.

Сначала нужно было вытащить хоть одну руку, потом развязать ноги, снять ремни, выдернуть иглы, отключить приборы. Никто не идёт мне помогать, нужно собраться с силами и решиться.

С трудом, но мне удалось освободиться от опутавших тело трубок и ремней. Казалось, на это ушло несколько часов. Холод пронизывал до костей, пальцы соскальзывали, тряслись, не давая ухватиться за тонкий катетер. Состояние на грани истощения плюс низкая температура делали движения медленными и неуверенными.

— Перво-наперво нужно выбраться отсюда и согреться, — решила я, — потом еда.

Дошла до включателя — тот не работал. Или отключили электричество, или сломался. Дёрнула дверь — она оказалась заперта. Я села на кушетку и задумалась. Экспериментальная комната находилась в подвале городского госпиталя. Была хорошо экранирована и защищена от излучений. Аппаратура работала на аккумуляторах, те могли поддерживать жизнеобеспечение до года.

"А если я не смогу выбраться?" — пришла в голову паническая мысль. Я сразу же отбросила её прочь.

Подкатила к двери аппарат искусственного дыхания (он давал больше всего света). Мне повезло — замок был кодовый. Я не знала комбинацию, но зато хорошо знала всех людей, которые могли бы его закрыть. Вначале я перебрала дни рождения. Свой, близких друзей, коллег — сначала правильно, потом наоборот. Ничего. Ввела дату начала эксперимента — опять мимо. Адрес госпиталя, количество участников проекта, телефон главного спонсора, миллионера Уильяма Вандера, ещё десятки разнообразных дат и цифр, которые только приходили на ум. Дверь не открывалась. Я побегала по комнате, поприседала, попрыгала.

— Зайкари! — вдруг в голову пришла ошеломляющая мысль. Я хихикнула. — Неужели ты...

Наш диагност Зайкари Файберг своим кумиром вполне серьезно считал Грегори Хауса из сериала "Доктор Хаус". Я набрала 161104 — день выхода первой серии. Замок негромко щёлкнул. "Слава богу, — выдохнула я, — ну я ему задам, когда выйду отсюда. Это же надо, додуматься!" Если бы я хорошо не знала своих друзей, их хобби, увлечения, я бы ни за что не выбралась.

Не мешкая, повернула ручку. В нос тут же ударил отвратительный гнилостный запах. Что происходит? Почему так воняет? Это же госпиталь. Сколько себя помню, палаты, коридоры и подсобные помещения содержались в идеальной чистоте. Зажимая нос рукавом, я побрела по тёмному коридору в сторону лестницы. Похоже, отключили свет во всём здании...

Поднялась на первый этаж. Мёртвая тишина — ни персонала, ни больных, ни охранников. Никого. Запах усилился. Я зашла в знакомую подсобку, надела пару больничных халатов, тапочки, рассовала по карманам несколько хирургических масок, тут же натянув две на лицо. Дышать стало чуть легче, но ненамного. Что же происходит? Краем глаза зацепила движение в правом коридоре. Подошла ближе. Некрупная чёрная собака прошмыгнула под ногами и скрылась за поворотом. Я крупно вздрогнула, покрывшись липким потом.

Стараясь не поддаваться панике, потопала на второй этаж в ординаторскую — нужно найти хоть кого-нибудь. Серый рассеянный свет лился из окна. Ранее утро? Вечер? На улице не было ни огонька. Напротив госпиталя, почти впритык, находилось новое офисное здание. Когда в прошлом году построили эту двадцатипятиэтажную громадину, мы все дико возмущались. Больничный парк уменьшился вдвое, горизонт скрылся за блестящей стеклянной колонной. Госпиталь находился в пригороде Чарльстона, вдалеке от центра города, так зачем же здесь было строить офисы? Башня и днём и ночью сияла, как новогодняя ёлка, но сейчас стояла тёмная и унылая.

Ноги уже не дрожали. Я согрелась, осталось разобраться в происходящем. Первый труп я увидела прямо по коридору. Он лежал возле двери охранника лицом вниз, раздутый, как индейка, нашпигованная яблоками. Подошла поближе. На вид — около недели. Гниение уже охватило его целиком. Кисти рук, выглядывающие из-под одежды, были грязно-зеленоватого цвета. Никаких видимых повреждений не было. Крови тоже. Чтобы понять, из-за чего умер человек, нужно было его осмотреть. Я давно не пугалась мёртвых тел. На практику студентов регулярно отправляли в морг проводить вскрытие, и я была частым гостем на экспертизах.

"Нет, не буду. Ему ничем нельзя уже помочь, а мне нужно спешить", — решила я и двинулась дальше, так и не дотронувшись до тела. Запах стоял такой, что слезились глаза. Маска не спасала. Я

быстро шла по коридору и распахивала двери в больничные палаты. В некоторых на койках лежали тела, в той же стадии разложения, что и труп в коридоре. Но их было немного. Когда я спускалась в подвал две недели назад, палаты были переполнены. А трупов я насчитала всего около десятка. Значит ли это, что остальные выжили? И где они? Но что бы здесь ни случилось, это произошло давно.

В конце коридора белела открытая дверь ординаторской. Я боялась увидеть мёртвые тела своих друзей, но комната оказалась пустой. В шкафу нашла свою одежду, сумку. Торопливо переоделась. Жутко хотелось пить и есть. Я набрала из кулера стакан воды и выпила в два глотка. Желудок протестующе сжался. Я прижала ладонь к животу, пережидая резь, приговаривая: "Ты просто отвык. Успокойся".

По столам, кушеткам в беспорядке валялись кипы газет и листовок. "Наконец, — прошептала я под нос, — узнаю хоть что-то". Сгребла всю кучу, рассортировала по датам.

"Мощная вспышка в сто раз выше класса X и десять вспышек класса M произошли на Солнце 3 ноября 2018 года, сообщает Гелиогеофизическая служба США..."

Я перевернула страницу.

"Самая грандиозная геомагнитная буря за всю историю человечества охватила Землю..."

"Вышли из строя спутники, электронные приборы, связь... Аварии на атомных станциях... Коллапс в энергетике... Люди умирают... Сердечная недостаточность... Электромагнитные волны разрушают..."

"Ещё одна вспышка 5 ноября... Паника среди населения... Больницы и морги переполнены... Подачу электричества ещё не восстановили... Правительство призывает к спокойствию... Всё под контролем..."

"6 ноября 2018 года от сердечной недостаточности умер президент США Алан Рон. Ему было всего сорок пять лет. Страна скорбит..."

"По официальным данным трети населения Америки удалось пережить вспышки. Армия и полиция держат под контролем стратегически важные объекты..."

"Крематории переполнены. Врачи работают круглосуточно. После солнечных вспышек у каждого второго человека на планете развился

синдром сердечно-сосудистой недостаточности. Особенно пострадали дети..."

"Мародёры на улицах Чарльстона..." "Из тюрем сбежали заключённые..." "Власти не справляются..."

Мороз продрал по коже... За окном послышался далёкий отрывистый звук… похожий на барабанную дробь или… выстрелы? Я резко обернулась к окну, пристально всматриваясь в темноту, делая короткие рваные вдохи. Ужас произошедшего не умещался в голове. Пока я лежала в экранированной комнате, тестируя своё изобретение, мои коллеги боролись за жизнь... свою и жителей города. Как это произошло? Почему меня не разбудили? Зайкари сам заблокировал дверь в мой подвал или это было общее решение? А может, всё было не так? Может, после первых вспышек паника была такой силы, что никто про меня и не вспомнил? Слёзы потекли из глаз... Я сидела в ординаторской и оплакивала свой мир, мир, который ушёл безвозвратно.

Здесь оставаться нельзя. Воздух отравлен, трупы гниют и разлагаются. Здание госпиталя было трёхэтажным. Защиты не давало никакой. Домой ехать тоже смысла нет. Я жила в малоэтажном кондоминиуме в центре. Район был престижным, но находился далеко от госпиталя. Пешком через весь город? Через банды мародёров и убийц? Ну уж нет...

Я перевела взгляд на офисный центр. Высокое громадное здание — то, что нужно. С последних этажей видно город как на ладони. Буду наблюдать сверху.

Дыша ртом, я собрала сумку. Напялила на себя всю найденную одежду, стараясь не думать, кому она принадлежала. Два свитера, кожанка, парка. Вскоре осень сменит зима, электричества нет, отопления тоже. Завернула в несколько одеял бутыль со спиртом — пригодится. Следом пошли упаковки антибиотиков, поливитамины, йод, вата, жгуты, пластырь. Сумка раздулась, как тот труп в коридоре. Нужно спешить — почти рассвело. Потом вернусь, если будет ещё что-то нужно. Прошлась по ящикам стола, нашла ещё два батончика и сморщенное яблоко, забрала и это...

Вышла из госпиталя через чёрный ход. Как удобно построили офисный центр! А мы ещё жаловались администрации города! Больничный парк напрямую соединялся с подземной парковкой. Через

неё я и попала внутрь. Вдалеке по-прежнему слышались выстрелы, грохот, но всё происходило в глубине города. Здесь, на окраине, было тихо.

Лифты в здании, само собой, не работали, я пошла пешком по лестнице, на каждом пролёте останавливаясь, отдыхая, успокаивая колотящееся сердце. Слишком я ещё слаба... Трупный запах здесь отсутствовал. Я задумалась, вспоминая: 3 ноября была суббота. Выходной. Офисы пустовали, а потом началась такая паника, что на работу никто уже не ходил.

С огромным трудом долезла до двадцатого этажа. Передохну здесь. Солнце встало и било в окна ярким беспощадным светом, открыв кошмарные разрушения красивого в прошлом города. Многочисленные пожары ещё дымили. Улицы были завалены баррикадами из перевёрнутых автомобилей, разломанной мебели, железных контейнеров для мусора. Выбитые стёкла в домах, торговых центрах. Прямо на тротуарах валялись несколько трупов погибших. Стайка ворон кружила над одним из них.

В голове пронеслось: "Город через несколько месяцев превратится в могильник. Крысы, собаки, птицы. Хорошо, что впереди зима, это немного остановит заразу. Но весной нужно будет делать ноги".

Необходимо найти еду, воду, убежище. Сделать несколько ходок в госпиталь, забрать всё, что можно. Сейчас еды в городе много. Двери тысяч магазинов, супермаркетов, кафе, ресторанов открыты настежь. Бандиты будут драться за власть ещё некоторое время. Основное сейчас для них — оружие, еда, питьё. Но рано или поздно власть попадёт в руки кого-то одного.

"Пойдём по плохому сценарию", — размышляла я. Этот кто-то будет умным, дальновидным лидером. Значит, в конце концов, он придёт к таким же выводам, что и я. Если я правильно мыслю, то он разобьёт людей на группы и заставит прочёсывать город по районам, собирая самое ценное — выживших людей, еду, лекарства, воду. Какую он построит систему — неизвестно: рабство или демократия — мне всё равно. Меня весной уже здесь не будет. А до весны нужно продержаться.

Жить я решила на верхних этажах. Во-первых, оттуда хорошо виден город. Во-вторых, подъём на двадцать пятый этаж требует немало энергии, и есть надежда, что бандитам лень будет подниматься

так высоко. Конечно, и мне будет трудновато, но жизнь дороже. Я всегда любила спорт. Занималась бегом и теннисом. Поддерживала тело в хорошей форме, поэтому пробежать двадцать этажей для меня не представляло сложности.

За неделю я опустошила автоматы по продаже еды на нижних этажах. Набралась целая гора батончиков, чипсов, шоколадок и круассанов. Я складывала еду на самом верхнем этаже, в пентхаусе. Начиная с двадцатого, каждый офис был краше предыдущего. На двадцать первом я обнаружила встроенный в мебель огромный солидный сейф. Сейфы и раньше мне попадались на пути, но они были открыты и пусты, а этот — закрыт…

Что там? "Можно будет попытаться подобрать код на досуге, — пришла в голову весёлая мысль, — когда станет скучно. Правда, сейчас бриллианты и акции Майкрософт стоят гораздо дешевле куска мяса".

Труднее всего было с водой. Я с трудом перетащила наверх маленькие бутылочки, выставленные в автоматах, но их оказалось немного — всего около ста литров. В коридорах стояли питьевые автоматы с двадцатилитровыми бутылями. Моих сил хватило только на то, чтобы их опрокинуть, отцепить и поставить на пол. Как их поднять наверх — уму непостижимо. Но вода мне нужна позарез. Это самое главное. Я докатила бутыли до лестниц и оставила возле ступенек. Итого получилось тридцать больших ёмкостей по двадцать литров.

Пришлось соорудить что-то типа салазок. Дно я сделала, выломав пластиковое окно в витрине, прикрепила жгуты, закрепила бутыль и потащила наверх. К тому времени, как я вытащила первый бутыль на двадцать четвёртый этаж, я проклинала всё на свете. На следующий день у меня будут болеть все мышцы, трястись ноги и руки, но я всё же спустилась вниз и взялась за следующий.

В одну из ночей я сделала несколько вылазок в госпиталь. Забрала всё ценное, что нашла: капельницы с глюкозой, системы, шприцы (как вариант кормления, если еды будет совсем мало). Нашла антибиотики, витамины, перевязочный материал. Взяла несколько скальпелей, пилу для трепанации, ножницы, стетоскоп. Само собой — антисептики, обезболивающие и обеззараживающие препараты. С чувством выполненного долга рассортировала всё по полочкам в "своём" офисе.

Я врач. И без таких знакомых и милых сердцу вещей чувствую себя неуютно.

Похолодало. Температура упала до десяти градусов, и мне становилось всё труднее согреться. Я давно подумывала о печке. Бумаги в офисах было много, да и мебель сойдёт на растопку. Останавливал лишь страх быть замеченной. Однажды ночью я увидела в окне высокого дома через квартал огонёк. Кто-то жёг или свечку, или небольшой костёр. Утром с той стороны слышались выстрелы и крики. Больше огоньков в здании я не видела.

Поэтому, если и сооружать печку, то где-то внутри, в комнате без окон.

Несколько дней я потратила на обследование вентиляции. Как и во всех офисах, она была великолепна. Широкие лабиринты вентиляционных шахт пронизывали все этажи. В них можно было жить, не то что прятаться. Два дня я ползала, собирая пыль, пока не заползла в небольшую секретную комнату с множеством компьютеров, техники, десятками экранов.

Наверное, здесь сидели охранники, шпионя за работниками. Комната была заперта. Несколько часов я потратила, чтобы открыть замок. Когда, в конце концов, открыла, то увидела, что вход в секретную комнату находился на двадцать четвёртом этаже, в мужском туалете, за одной из кабинок. Снаружи стену покрывал белый кафель, дверь была полностью скрыта. Я затащила в комнату запасы еды, воды. Начала потихоньку разламывать мебель для растопки. Печку решила сделать из перевёрнутого небольшого сейфа.

Главное — прогреть помещение, а на время сна буду гасить огонь, чтобы случайно не угореть. Проходя через километры вентиляции, дым остынет до такой степени, что с улицы его не будет видно. На первом этаже кое-как обрушила и отковыряла вентиляционную трубу длиной полтора метра. Если приделать к моему воздуховоду над печкой, то будет дымоход.

Вот так, питаясь чипсами и шоколадными батончиками, я жила в офисном здании. Потихоньку перетянула в секретную комнату несколько больших бутылей воды, одеяла. Содрала с кожаного дивана поролоновые подушки и соорудила себе постель. Влажные антисептические салфетки, которые я приволокла из госпиталя, пока решила не трогать. Собиралась ими мыться, но в данное время

обходилась водой. Бачки туалетов были полные, а туалетов в офисном здании было очень много.

Днём я спала, ночью смотрела с высоты двадцать четвёртого этажа на тёмный угрюмый город и размышляла. То там, то сям что-то взрывалось, стреляли автоматы, иногда распускались цветки пожаров. Что происходит? Где прячутся люди? Что с ними? В газетах писали, что после вспышек выжило около трети населения. Правда, у большинства развился синдром сердечно-сосудистой недостаточности, но оставались и совершенно здоровые. А ещё такие, как я — те, кто спрятался в экранированных помещениях, под землёй, в бункерах, в лабораториях, на военных базах. Были и такие, у кого сердце работало, как часы, и болезнь их не взяла.

Без квалифицированной медицинской помощи вскоре население уменьшится ещё на половину. Особенно жаль детей. У них сосудистая система ещё слаба, они больше всех подвержены электромагнитным колебаниям.

Когда я рассортировала и подсчитала все припасы, то немного успокоилась. Список был внушительный: почти шестьсот литров воды (не считая воду в бачках туалетов), около тысячи энергетических батончиков, двести плиток шоколада, горы чипсов, сухариков, печенья. Четыре месяца можно продержаться спокойно. Плюс поливитамины и глюкоза, принесённые из госпиталя. А постоянная беготня вверх-вниз сделала мои ноги крепкими и сильными.

В январе пошёл снег. Стало так холодно, что приходилось топить печку почти каждый день. За несколько месяцев я обследовала все этажи офисного центра вдоль и поперёк. Оказывается, в письменных столах служащих бывает много всего интересного. Я нашла гору зажигалок, перочинных ножиков, пудрениц и расчёсок. В гардеробах были оставлены пиджаки, туфли на высоких каблуках и палантины. В баре возле ресепшен на двадцать четвёртом этаже обнаружила две бутылки "Хеннесси" и одну текилы. С ними я и отметила Новый год.

Когда я услышала гул автомобиля, было раннее утро. Я собиралась пришить к куртке фланелевую подкладку, но игла (так же и нитки) была хирургической, поэтому получалось не очень. Я частенько слышала отдалённый шум моторов, но чтобы так близко... Это было впервые.

Настороженно выглянула из окна. По дороге вокруг офисного здания ехал небольшой фургон. Повернул к госпиталю. Остановился. Из машины вышли двое мужчин. С двадцать четвёртого этажа лиц я не разглядела, наличие или отсутствие оружия тоже. Кто они? Бандиты или полиция?

Мужчины направились к больнице. Если приехали за наркотиками или транквилизаторами, так их давно уж нет. То, что оставалось после эпидемии и наплыва больных, забрала я. "Так что, мальчики, мимо", — пробормотала под нос. Наш госпиталь был небольшой, находился в пригороде. Лечились в нём жители окрестных поселков и проводились исследования. Работали интерны, проходили практику студенты. В общем, ничего интересного. В городе находилась центральная больница, много аптек, пунктов неотложной помощи... Если они прибыли сюда, значит, весь город разграбили, и бандиты пошли по окраинам...

Лежа на полу, я напряжённо смотрела на центральный вход, ожидая появления мародёров. Успела даже замёрзнуть. Но в конце концов увидела, как мужчины, сначала один, затем другой, вышли наружу. Сумок у них в руках было немного. "Да, мальчики, — подумала я, — поживиться нечем". Системы, шприцы и медтехнику смысла брать нет. Лекарства? Не думаю, что среди них есть врач, чтобы понять надписи на ампулах. Наркотики, транквилизаторы, анальгетики забрала я. Оставалось некоторое количество дезинфицирующих средств, перевязочного материала. Наверное, это и захватили. Мужчины, погрузив сумки в фургон, двинулись по направлению к офисному центру. Я напряглась... Если они начнут прочёсывать этажи, то, несомненно, рано или поздно обнаружат следы моего пребывания на верхних этажах.

Я резко поднялась и понеслась в "свою берлогу". Секретная комнатка была крошечной, поэтому я не смогла перетащить сюда всю воду и еду. Был только необходимый запас. Ещё небольшое пространство занимала печка и самодельный матрас, на котором я спала. "Какая же я дура, — корила себя, — нужно было давно освободить комнату от компьютеров и перенести все запасы". Но что уж теперь горевать... Я замела пол, убирая все следы, закрыла дверь кабинки туалета и крепко заперлась изнутри. Потом влезла в

воздушную шахту и начала пробираться по лабиринтам вентиляции, спускаясь на нижние этажи.

Мужчин я нашла на третьем этаже. Они планомерно обходили все комнаты, ругаясь, что кто-то побывал здесь до них...

— Тут ничего нет, Джон, — крикнул один другому из противоположного конца офиса, швыряя бумаги со стола, переворачивая принтеры и сбрасывая на пол экраны компьютеров. — Мы опоздали.

— Да, — по звуку было слышно, что Джон сплюнул, — наверное, банда Фила побывала...

— Ублюдки. Ничего не осталось, — послышался ещё один грохот от упавшего монитора.

Я зря боялась, что они меня услышат. Они вдвоём производили столько шума, что мои шорохи от ползания по вентиляционной шахте были незаметны. Мужчины пошли наверх. Я поползла следом. Так мы и перемещались с одного этажа на другой. Я боялась, что они-таки дойдут до двадцать четвертого этажа и обнаружат бутыли с водой — мои стратегические запасы.

На пятнадцатом мужчины решили передохнуть и подкрепиться. Я с интересом прислушивалась к разговору. Во-первых, я больше двух месяцев не видела людей и где-то в глубине души соскучилась по человеческой речи. Во-вторых, надеялась, что узнаю что-нибудь полезное: как обстановка в городе, сколько осталось выживших, есть ли какая-нибудь власть, полиция, военные. Речь мужчин была так засорена матами, что я половины не понимала. Но всё же через некоторое время разобрала, что они из банды некоего Мясника Руфуса, который обосновался в здании полиции. А ещё раньше они все вместе сбежали из тюрьмы Эджфилд, что к северо-западу от Чарльстона. Мясник был родом отсюда, поэтому потащил их за собой. Дошли, правда, не все. Из пятидесяти сбежавших добраться удалось только двадцати...

— Да чёрт сердце тянет в последнее время, — вздохнул один, растирая грудь.

"Сердечная недостаточность, — подумала я. — Все признаки налицо". У мужчины был бледный, даже зеленоватый вид. Серьёзная одышка... Он по пять минут отдыхал после каждого лестничного пролёта и глухо покашливал, тяжело приваливаясь к стене.

— Перестань, Джон, — хлопнул его по спине второй. — Ты же помнишь, когда Малыш стал жаловаться на сердце, Мясник ему сразу шею свернул, как курёнку.

— Да, — вздохнул первый. — Жаль, что ни одного врача не осталось... Говорил я Руфусу — хоть медсестру не трогай. А он...

Я замерла, боясь пропустить следующую фразу, но зря. Мужчины что-то вспомнили, заржали, как кони.

— Жаль сестричку, — сплюнул "болезный", — но было весело...

Все мои профессиональные жалостливые чувства к больному мужчине улетучились. "Так тебе и надо, сволочь, — подумала я, — сдохнешь в мучениях, задыхаясь и харкая кровью". Его ближайшее будущее я видела, как на ладони.

— Кстати, шеф сказал, что видел в бинокль движение в окнах. И совсем недавно.

Я похолодела от ужаса. Как я не подумала, что кто-нибудь может смотреть в оптические приборы? Днём, когда солнце бьёт в окна, я была прекрасно видна, как на ладони. Я судорожно начала вспоминать — приближалась ли я к окнам днём... Вроде нет. На город я смотрела только ночью, днём отсыпалась, занималась хозяйственными делами, чинила одежду. Значит, если и видел, то неясную тень в глубине офиса, а это могла быть и собака, что подтвердил один из мужчин.

— Скорее всего, собака, — предложил он, — ты видел, скольких мы спугнули в госпитале?

— Да... — пробормотал второй, — но проверить нужно.

— Не сегодня, — произнёс Джон, — что-то мне совсем худо. Отдохнуть бы. Завтра придём и всё досмотрим.

— Но завтра тебе нужно будет сразу подняться на двадцать четыре, — резонно заметил второй.

— Значит, скажем шефу, что ничего не нашли. Здесь побывали до нас.

"Правильно, — уговаривала я мысленно мужчин, — идите с богом. Ничего здесь нет".

— Ладно, — согласился тот, — ты оставайся, а я поднимусь ещё на парочку этажей. Если и там автоматы будут пустые, что же... Проедемся по Ашли-ривер-роуд. На окраине пятизвёздочный отель расположен…

Я тихонько поднималась вслед за мужчиной. Тот быстро пробежал по этажам, по пути заглядывая в офисы, осматривая всё зорким взглядом. Уже стемнело, я надеялась, что если и остались какие-то следы моего пребывания, то в этом хаосе он их не заметит, так как сам разрушений производил не меньше.

"Гад", — прошипела я сквозь зубы, увидев, как он швырял на пол мониторы и принтеры, сбивал кипы бумаг и папок. Теперь под ногами всё время будет хрустеть мусор. "Только бы не добрался до двадцать четвёртого," — молилась я. Мужчина застрял на двадцать первом. Он увидел сейф — тот, с которым я немного повозилась, подбирая код, но так и не смогла открыть. Заинтересовавшись, он подошёл ближе. Подёргал на себя, но шкаф не поддался. Скорее всего, сейф был прикручен. Оказалось, что у этого настойчивого бандита есть взрывчатка. Когда до меня дошло, что он делает, я со всех ног поползла прочь и уже этажом выше услышала взрыв.

Через время вернулась назад, чертыхаясь и бранясь под нос. Когда доползла, то услышала ещё один громкий треск и удар.

— Да он мне всё здание развалит!

От огромного окна во всю стену остались осколки. "Сбросил сейф вниз", — догадалась я. Правильно, чего мучиться. Сильный ветер подхватил кипы бумаги и закружил по комнате. Мужчина уже развернулся и начал спускаться по лестнице вниз. "Идите, идите — и больше не возвращайтесь", — подумала я. Выбитое окно и украденный сейф непонятно с чем — небольшая плата за то, что они убрались с моего здания.

****

В начале февраля у меня всё-таки кончилось терпение. Я уже не могла есть ни шоколад, ни чипсы, меня тошнило от них. Я даже хотела покапать себе глюкозу вместо еды, но потом здравый смысл возобладал. Нельзя, чтобы желудок отвык работать и переваривать пищу. В итоге решила спуститься вечером на улицу и поискать растения и съедобные корни. Помню, в больничном парке росло несколько каштанов. Представив себе жареные на моём стальном сейфе плоды, у меня потекли слюнки. В институте нам преподавали курс фитотерапии, правда, больше был упор на лекарственные растения, но параллельно давали представление и о съедобных. Смоковница, можжевельник, алоэ, кедр, даже кактусы — всё это

можно было употреблять в пищу. Зимой, конечно, вряд ли найдёшь ананасы или апельсины, но даже каштаны сейчас представлялись мне деликатесом.

Я взяла рюкзак и быстро спустилась вниз. На улице было тихо и холодно. Сумерки накрыли город, сделав свет рассеянным, почти непроглядным. Пугаясь каждого шороха, я быстро пробежалась по больничному парку. Большинство деревьев и кустов были декоративными, но несколько каштанов я всё-таки нашла. Раскапывая носком ботинка неубранные листья, доставала грязные каштаны и бросала в сумку, попутно оглядывая территорию. Собрала прилично и вдруг краем глаза зацепила огромную тень сзади. Сердце упало вниз, спина покрылась холодным потом. Конечно, в кармане у меня всегда был нож, но что я могла сделать против нескольких мужчин?

Слава богу, это был не мужчина. Пошатываясь, на расстоянии трёх-четырёх метров от меня стояла огромная грязная собака. Худая, измождённая, покачивающаяся на слабых ногах. Сначала я испугалась, что она может быть бешеной, но приглядевшись, успокоилась. Слюна не капала, глаза были ясные, без мути. Она смотрела серьёзно, пристально, почти по-человечески. «Немецкая овчарка, кобель, похоже, чистокровный», — мелькнуло в голове. Торчащие вертикально чуткие уши, миндалевидные умные глаза, чепрачный окрас. Когда-то он был великолепным, величественным красавцем. А сейчас... Бока прилипли к рёбрам. Шерсть была с проплешинами, кое-где вырванная. Кости скелета выделялись так явно, что по собаке можно было учить анатомию.

— Шарик, — прошептала я тихо, — иди сюда, у меня есть чипсы.

Я вытащила из пакета одну пластинку и бросила её в сторону пса. Овчарка даже не пошевелилась, продолжая стоять на дрожащих ногах и пристально, исподлобья, рассматривать меня. «Да, — подумала я, — мертвечиной она явно не питалась». Скорее всего, была или сторожем, или охранником... Возможно, поводырём. Я заметила ошейник с металлической биркой, но подойти ближе и рассмотреть не решалась.

— Хорошая собачка, — ласково уговаривала я, присев на корточки и протягивая руку ладонью вверх. — Покушай. Знаю, это не мясо, но всё же лучше, чем ничего...

Овчарка чуть наклонила голову, прислушиваясь к человеческой речи.

— Грант, Вольф, Мартин, Цезарь... — перебирала я популярные клички. — Джонни, Малыш, Пушок.

Собака не реагировала. Я решилась. Надела рюкзак с собранными каштанами и медленно двинулась к овчарке, протягивая вторую пластинку чипсов.

— Пойдём, у меня наверху овсяное печенье... И мазь антисептическая для твоих ран, — добавила я, подходя ближе и разглядывая царапины, вырванную шерсть и повреждённую лапу. Настороженные умные глаза внимательно следили за моими передвижениями, но сил отойти или хоть как-то огрызнуться у собаки не было. Я подошла вплотную и положила ладонь на широкий лоб, погладив пальцем между ушами. Протянула картофелину к носу, потом к пасти. Страшно было ужасно. Неизвестно, как среагирует животное. Зубы оставались острыми и опасными. Горячий язык прошёлся по пальцам, осторожно подхватывая и забирая угощение. Знакомство состоялось.

— Пойдём ко мне? — предложила я и кивнула в сторону офисного здания. Мне показалось, или собака согласно склонила голову? Я, конечно, знала, что хорошо обученные служебные овчарки очень умные, но чтобы понимать человеческую речь?

Я медленно пошла к зданию, постоянно оглядываясь назад. Хромая, на некотором удалении от меня, собака плелась следом. На пятом этаже она всё-таки свалилась без сил. Бока ходили ходуном, язык выпал наружу, из пасти вырывались жуткие хрипы. «Как бы она сейчас не окочурилась», — подумала я. Понеслась наверх за салазками, на которых перевозила воду. Заодно прихватила с собой бутылку с эфиром и тампоны. Будет лучше, если при перевозке собака будет спать, а то ещё, привязывай её, чтобы не дёргалась.

Усыпила я её быстро, хватило капли эфира. Я погрузила тушу на салазки и потащила наверх. Гораздо легче, чем бутыль с водой. Если здоровая собака должна весить около тридцати-сорока килограммов, то этот скелет едва дотягивал до пятнадцати.

Пока она спала, я решила заняться лечением. Промыла раны, наложила мазь с антибиотиком, прощупала кости. Сломано ничего не было, просто с кем-то подрался совсем недавно. Для поддержки организма нужно было прокапать глюкозу и витамины. Я перетащила собаку в туалет, соорудила самодельную капельницу, с огромным

трудом попала в вену. Было уже темно, а маленький фонарик давал недостаточно света. Я ничего не понимала в ветеринарии, но предполагала, что четыреста грамм глюкозы будет достаточно для первого раза. Собака, перемотанная белыми бинтами, с капельницей в лапе, представляла собой душераздирающее зрелище. Я вспомнила практику в больнице и улыбнулась — бывало и похуже.

На ошейнике было написано «Пол» и выбит номер телефона. Позвонить я не могла, да и если бы хозяин был жив, овчарка бы никуда от него не ушла — они очень преданные. Значит, мёртв. Сначала Пол не реагировал на кличку. Но я постоянно с ним разговаривала — наверное, мне просто приятно было слышать свой голос, так я соскучилась по человеческой речи. Только через неделю, когда я позвала: «Пол, иди сюда», он впервые подошёл и сел рядом. Выздоравливал он быстро. Ещё несколько раз приходилось усыплять его эфиром, обрабатывать раны и вливать глюкозу, но он не роптал, словно понимая, что всё делается ему во благо. Пёс производил впечатление очень сдержанного животного. Ни разу не вильнул радостно хвостом, не лизнул благодарственно руку, не гавкнул. Флегматично пил воду из миски, брал печенье только тогда, когда я отойду подальше. Серьёзно и пристально наблюдал за моими перемещениями, шитьём, хозяйственными заботами. Когда у него поджили раны на боках и ноге, я решительно заявила:

— Следует тебя покупать, Пол. Ты страшно воняешь.

Я уже неделю из-за него спала с открытой дверью. Боялась, просыпалась от каждого шороха. Долго так продолжаться не могло: если собираюсь завести Пола в свою секретную комнату, нужно будет его искупать. Шампунь и мыло у меня были — этого добра в шкафчиках офиса было достаточно. То ли девушки пользовались душем во время рабочего дня, то ли остались от сетевых мерчандайзеров.

Вечером, растопив печку, я поставила несколько пластиковых бутылок с водой рядом, чтобы они прогрелись. Шерсть у Пола я частично выстригла, частично сбрила, частично оставила. Поэтому сейчас он представлял собой пятнистое худое страшилище, но уже почти здоровое. Усыплять для купания я его не стала. Если он воспитанная собака, значит, должен знать, что такое мытьё. Я оказалась права. Пол стоически перенёс водные процедуры в туалете,

только иногда пофыркивая и пару раз встряхнувшись, обрызгав меня. Потом я укутала его в одеяло и повела в секретную комнату. Уложила возле тёплой печки, заперлась и, наконец, впервые за неделю спокойно заснула.

Жить стало веселей. Мне было теперь с кем поговорить, посоветоваться. Я ещё несколько раз выходила за каштанами, Пол увязывался за мной. Всегда сзади, словно охраняя. Когда я собирала каштаны, он тревожно принюхивался, настороженно всматривался во тьму, иногда пропадал, оббегая периметр. Но всегда возвращался, всё так же серьёзно и пристально заглядывая мне в глаза, словно говоря: всё спокойно.

Я понимала, что мой рацион для собаки не подходит. Печенье, батончики, чипсы? Жареные каштаны? Я себя подкармливала поливитаминами, а что давать ему? Нужно было мясо, но где его взять? Но Пол был непривередлив. Только от шоколада воротил нос.

— Ничего, — приговаривала я, сидя в нашей комнатке и поддерживая огонь в сейфе, — скоро весна, мы выберемся из города и пойдём на юго-запад вдоль реки. Я наловлю рыбы... — мечтательно вздохнула, представив жареную форель, — может, удастся найти ферму... Курочки, коровки...

Пол внимательно слушал, склонив голову набок. Я сама не очень понимала, что делать с курочками и коровками, так как всю жизнь прожила в городе, но жизнь штука такая, что научит всему.

Прошло ещё несколько недель. Я тянула время, дожидаясь устойчивого тепла. Шерсть у Пола отросла, и кожа не так обтягивала рёбра. Конечно, он по-прежнему выглядел болезненно худым, но уже не смертельно. Наши запасы значительно уменьшились. Нужно было планировать уход из города, выбрать направление, транспорт, рассчитать, что оставить, а что забрать с собой. Карты у меня были, компас с часами, а ещё куча всякого полезного (и не очень) барахла, которое жалко выбрасывать. Но ценнее всего были, конечно, лекарства, а их у меня был огромный мешок. Я, скрипя сердцем, откладывала в сторону спирт, бинты, пластыри, глюкозу и большинство транквилизаторов. Оставила самое нужное: антисептики, обеззараживающие таблетки (для питьевой воды), антибиотики, нитроглицерин, анальгин и ещё несколько препаратов для сердечно-сосудистой системы.

Самое сложное — транспорт. Автомобиль, конечно, хорошо, но где брать бензин? Тем более, что бандиты захватили под свой контроль и заправки, и нефтяные хранилища. Я часто слышала гул двигателей автомобилей, мотоциклов, хоть и находилась на окраине, почти в глухой зоне.

Решением был двухколёсный транспорт... Некоторые интерны, работавшие у нас, приезжали на красивых спортивных велосипедах, оставляли их на стоянках за госпиталем. Будет трудновато ехать на велосипеде по бездорожью, но другого выхода я не видела. Той же ночью я пробралась на стоянку. Выбрала обычный городской, с багажником, передней корзиной и насосом на раме. По-моему, на нём ездила медсестра из новеньких... Я выбросила из головы грустные мысли по этому поводу. Теперь велосипед мой.

— Пойдём, Пол, — обернулась я к собаке, — транспорт нашли, дело за снаряжением.

Пол с радостью выбирался на наши небольшие ночные вылазки. Ощутимо потеплело, и в траве стала появляться живность. Пару раз он приносил мне полевых мышей и «угощал», торжественно расположив тушки возле моих ног. Смеясь, я отказывалась от подарка, и Пол ел их сам. В остальное время он преданно сидел со мной на двадцать четвёртом этаже и никогда не спускался один, даже когда я его гнала охотиться.

Пора. Градусник впервые за всё время показал 20. Ждать дольше было неразумно. Печенье кончилось, оставшиеся немногочисленные батончики и шоколадки вместе с лекарствами я упаковала в рюкзак. Ещё одна сумка — с одеялами, куском свёрнутой кожи с поролоном, несколькими фланелевыми полотенцами и топориком. По внешним сторонам ботинок я пришила кармашки, куда запихнула скальпели. Выдернула иглы из систем — пригодятся или на крючки, или как наконечники для стрел. Я с большим трудом представляла, как буду добывать пищу. Лук видела только на картинках, про охоту читала в приключенческих романах. Теоретически понимала, как ловить рыбу, но ни разу этого не делала. Вместо лески взяла капроновую хирургическую нить.

Две двухлитровые бутылки с водой привязала к раме велосипеда... Вроде всё.

Трусила я страшно. Мой привычный офис — уютный, безопасный... Но еды уже почти не осталось, как её добывать в городе, полном бандитов, я не представляла.

За последний месяц ко мне ещё несколько раз наведывались мародёры. Те, что были, или другие — я не знала. Мы с Полом, закрывшись, пережидали нашествие, сидя тихонько, как мыши. Умный пёс ни разу не фыркнул и не гавкнул. Только сидел под дверью и чутко прислушивался к тому, что происходит снаружи. Один раз я лазила по вентиляции, оставив Пола в комнате одного — хотела узнать новости, но так ничего и не выяснила. Мужчины только матерились и обсуждали личные проблемы. Во второй раз я уже никуда не выходила, сидела в комнате и ждала, пока Пол даст знак, что все ушли…

Я решила покинуть город поздно вечером. Госпиталь и так находился на окраине, оставалось только уйти за ночь как можно дальше.

Что меня ждёт на бескрайних просторах? Хаос, анархия, война? Или спокойное будущее, обретение нового мира? Ведь должны были остаться островки законности — военные, полиция, правительство. Не все же погибли... Значит, мне нужно их найти.

Вещей получилось катастрофически много. Велосипед был обвешан сумками, как новогодняя ёлка игрушками, плюс тяжёлый рюкзак за спиной. Первое время я боялась упасть — так меня качало в стороны, — потом приспособилась и покатила более уверенно и ровно. Никто не обратил на меня внимания в двенадцать часов ночи. Я покинула свой родной Чарльстон пятнадцатого марта 2019 года и не знала, вернусь ли я сюда когда-нибудь — или нет.

В темноте ехать было ужасно неудобно. Поэтому, когда последние постройки остались позади, я пошла пешком, опираясь на руль велосипеда. Пол трусил рядом. Всё время, сверяясь с картой, я надеялась выйти к реке Ашли и пойти вдоль её русла на северо-восток. В глубине штата должно быть много животноводческих ферм. Южная Каролина всегда была больше сельскохозяйственным районом, чем промышленным. «В идеале поселиться бы на какой-нибудь ферме, — мечтала я, — выращивать персики и кукурузу. Жить на лоне природы». Только как защищаться от мародёров?

Мы скитаемся уже два месяца. Обошли Луизиану и углубились в Техас. За это время я поняла две вещи: первая — в пищу употреблять

можно почти всё, и вторая — я очень трусливый человек. Только заслышав гул вдалеке, я тут же сходила с дороги и пряталась то в кустах, то в овраге, то просто в траве. «Как же я найду людей, если буду всё время их избегать?» — размышляла я. Ведь на автомобилях могут ехать и военные?..

Рыбу ловить оказалось совсем несложно. Срубить топором гибкую ветку, прикрутить леску, из иглы сделать крючок, а из скальпеля — грузик, и удочка готова. Правда, пару раз леска обрывалась, когда попадалась крупная рыба, но я успевала перехватывать её рукой и потихоньку вытаскивать на берег. Полу рыба тоже пришлась по вкусу.

А на заброшенных полях росла кукуруза, соя и батат.

Всё вокруг цвело и благоухало. И если бы не страх, я бы с удовольствием наслаждалась летней прогулкой. Однажды мы с Полом почти неделю прожили на чудесной ферме в округе Холли-Хилл. Живности там не было, зато было целое поле клубники. А в подвале я обнаружила несколько килограммов картошки, рассыпанной по полу. Мало чего осталось от мародёров, но нам вдвоём с Полом хватило. Иногда я видела бредущих по полю коров и лошадей, но не решалась подойти. Они были слишком большие, и я не знала, что с ними делать. Вот если бы курочку или кролика... Но мелкой живности не было — то ли погибла, то ли разбежалась.

Я заходила всё дальше и дальше на континент. У меня не было определённой цели, я просто шла вперёд и вперёд. Иногда приходили в голову тревожные мысли: может, я зря удаляюсь от берега океана? И если придёт помощь, то именно из-за границы?

За время путешествия я научилась многому. Разводить костёр, ловить рыбу и запекать её на огне, заниматься собирательством, выискивая съедобные овощи и фрукты, быстро бегать, прятаться, мыться в речке, ночевать на земле и чинить обувь. А главное — я научилась осторожности и внимательности.

Людей было мало. Заброшенные фермы, пустые поместья — кругом тоскливое безмолвие. Открытые двери и выбитые окна наталкивали на мысль, что кто-то уже побывал, но я редко натыкалась на трупы. Или их убрали, или люди попали под первую волну и их успели похоронить? Каждое поселение я долго рассматривала в небольшой любительский телескоп, найденный случайно в офисе на

последнем этаже. Теперь я понимала, что телескоп был удачным приобретением, а сначала я долго раздумывала — брать его или нет.

После часа или двух терпеливого ожидания в засаде я решалась подойти к дому или обходила его стороной, если замечала что-то тревожное. Пол мне в этом помогал. За время блужданий мы с ним начали понимать друг друга с полувзгляда. Ему даже не нужно было лаять — я настораживалась, когда он чуть поднимал брыли, обнажая клыки. Или тихонько фыркал, как бы говоря: не бойся, всё в порядке.

А после того, как он мне спас жизнь, то и вовсе стал самым близким существом на свете. Мы заночевали в спокойной на вид ферме. Небольшой деревянный домик, милый садик с буйно цветущей клумбой производили впечатление райского уголка. Я не обнаружила ни хозяев, ни трупов, ни брошенных животных — всё было тихо и безмятежно.

Рано утром меня разбудили голоса внизу, на первом этаже. Я спросонья смахнула с тумбочки часы, и они громко покатились по полу. Голоса стали громче... Паника накрыла с головой: я всегда спала в одежде на случай бегства, но когда он представился, то растерялась и не сообразила, куда прятаться и что делать. Один Пол не растерялся. Громко лая, он понёсся вниз по лестнице, производя столько шума, что казалось — несётся целая свора собак. Мародёры побежали за ним. Потом, правда, один из них вернулся и прочесал второй этаж, бормоча что-то по поводу наглых бродячих псов, но я уже успела спрятаться на чердаке и наблюдала в щёлку за снующим мужчиной. Велосипед с припасами я всегда прятала или в траве за домом, или в сарае, поэтому была налегке. Пол нашёл меня через несколько часов, когда я уже далеко удалилась от фермы. Я торжественно присела перед ним на корточки и поблагодарила, чмокнув в мокрый нос.

После того, как я чуть не попалась, я стала вдвойне осторожной. Разные мысли приходили в голову. Благо времени для размышлений у меня было предостаточно. Я жалела, что всю жизнь положила на алтарь науки. Постоянно, безостановочно училась, чего-то достигала, добивалась, доказывала всему миру... Не завела ни детей, ни мужа. Регулярно откладывала личную жизнь на потом... И что теперь? Кому сейчас нужны мои диссертация и экспериментальная камера? Науку отбросило на сотню лет назад, и вряд ли в скором времени человечеству понадобятся мои труды... В то же время я благодарила

Господа, что сейчас я сама по себе, и в моей жизни нет близких людей, о которых нужно беспокоиться...

Несколько раз я набредала на многолюдные поселения. Пристально рассматривала людей, дома, улицы в телескоп, замечая особенности их быта. Один раз меня отвернуло то, что мужчина, проходя мимо женщины, которая вешала бельё во дворе, крепко шлёпнул её по ягодицам и ущипнул за грудь. Возможно, это была его жена или любовница, возможно, в их отношениях это было нормальным, но я всё равно быстренько развернулась и пошла в сторону от посёлка. Во второй раз я почти уже собралась двинуться к людям (перед этим я два часа сидела в засаде с телескопом), но в последний момент увидела, как один человек целует другому руку. В третьем посёлке жили фанатики-христиане. Я сразу же всё решила, как только заметила многочисленные кресты на заборах, домах и окнах. Не то чтобы я была противницей религии, но стало не по себе...

Этот форпост, обнесённый высокой бетонной стеной с колючей проволокой, я рассматривала в телескоп почти целый день. Я знала, что где-то здесь, в южной части Техаса, расположена военная база ВВС США. Та самая, секретная. На карте она была не обозначена, но я иногда смотрела новости и читала газеты.

«Добралась», — подумала я, тяжело вздохнув. На эту базу у меня были большие планы.

Военные. Значит, есть надежда на порядок и законность — это раз; укреплённая территория с вышками и датчиками движения — это два; оружие, боеприпасы как способ отбиться от банд — это три; и нефтяные вышки в округе — это четыре. Как бонус — наличие электричества и какой-никакой привычной цивилизации.

А больше всего мне понравилась надпись, написанная огромными белыми буквами на наружной бетонной стене: «Приглашаем всех, кто хочет спокойно жить и честно работать».

Навскидку людей было много. Большинство мужчин были в военных комбинезонах цвета хаки, но были и женщины. В ворота въезжали и выезжали грузовые машины, по периметру я заметила охранников с автоматами и биноклями.

— Ну что, Пол, — обратилась я к своему другу, — вроде всё тихо. Пойдём знакомиться?

Пол непонимающе посмотрел на меня, словно говоря: «Что я могу рассмотреть с такого расстояния? Это же у тебя телескоп. А у меня обычные глаза».

Я спрятала велосипед с припасами в овраге, закидала его ветками, взяла рюкзак с самым необходимым — лекарствами, одеждой и личными принадлежностями. За время блужданий у меня прилично уменьшился запас мыла и зубной пасты, но я надеялась, что на военной базе есть хоть какая-то лаборатория, чтобы я смогла сварить лаурилсульфат натрия или глицерин. Химические формулы были намертво вбиты в мою голову ещё в институте, но пока я использовала свои знания только в собирательстве. Когда блуждала по просторам Луизианы и Техаса, я набрала огромную коллекцию лекарственных трав (по врачебной привычке не могла пройти мимо), по пути подсушивая их и измельчая. В сумках набралось несколько килограммов порошка мандрагоры, тмина, фенхеля, боярышника. Было тяжело везти, но оно того стоило.

Меня заметили на расстоянии пары километров от базы. Я увидела, как в мою сторону двинулся грузовик, и спокойно остановилась, поджидая, положив руку на голову Пола. Собака напряглась, но стояла рядом и не пыталась рычать. «Хорошо живут, — мелькнуло в голове, — если могут себе позволить встречать прихожан на машинах».

— Здравствуйте, — из окна фургона высунулся молодой человек в форме, — к нам направляетесь?

— Добрый день, — кривовато улыбнулась я, — к вам.

— Отлично! — искренне обрадовался юноша и кивнул назад, — залезайте в фургон, подвезу.

Мы с Полом запрыгнули в кузов.

Внутри, за стенами, царил идеальный порядок. Вот что значит — военные. Ровный бетонный плац, строгие линии бараков и гаражей. В глубине комплекса возвышались административные здания. Ворота были открыты. Машины суетливо сновали взад-вперёд, что-то завозя и разгружая в ангарах.

Когда я наблюдала за базой в телескоп, мне показалось, что людей очень много, сейчас я насчитала всего несколько десятков. И те стоят по периметру, на вышках. Остальные где? Работают?

Меня привели в аскетично обставленную комнату на первом этаже одноэтажного здания у ворот. Пола оставили за дверью, как я ни просила его взять с собой — не разрешили. Мягко, но твёрдо взяли под руку и увели прочь от рычащего пса. Мужчины, которых мы встречали по пути, были под два метра ростом, с рельефными бицепсами и непроницаемыми лицами. «Таким и вспышка не страшна, — хмыкнула я про себя, — сердце и сосуды выкованы из стали».

Я присела на жёсткий стул и огляделась. Типично военный интерьер. Даже не так — тюремный. Голые стены песочного цвета, несколько стульев, стол, решётки на окнах. В углу стоял кулер, но воды в нём не было.

Со мной в комнату вошли двое военных. Они вытянулись в струнку у входа и застыли. Делать было нечего. Несколько минут я рассматривала стены, плац за окном, свои натруженные ступни. Потом решила разговорить солдат. Слово за слово — и дело пошло. Погода и Пол были замечательными предлогами. Погода этим летом стояла отличная, а мой пёс поразил воображение юношей умом, послушанием и почти солдатской выправкой.

— Полковник скоро приедет, за ним послали, — произнёс самый симпатичный из них. — Всех новоприбывших он сам инструктирует и проверяет. Придётся подождать, мисс.

— Ничего страшного, — улыбнулась я, — подожду. А пока... Может, познакомимся поближе?

Юноши обрадовались моему интересу.

— Конечно, — оба быстро присели рядом, — меня зовут Джон Рот, — сразу же протянул ладонь солдат повыше.

— Виктория Фрайди, — я пожала руку. Второй, молчаливый блондин, представился как Арон Лукас.

На вид обоим было не больше двадцати с хвостиком. Высокие, сильные, бравые солдаты, обаятельные, как резвые жеребята. Я не заметила в их внешности ни тёмных кругов под глазами, ни сиреневатых губ, ни бледности или одутловатости кожи. Они просто сияли здоровьем и белозубыми улыбками. «Со здоровьем всё в порядке, — подумала я, — генофонд не пострадал».

Они с любопытством рассматривали меня, как залётную знаменитость. Я даже немного смутилась. Посмотреть-то особо было не на что. За месяцы блужданий я превратилась из красивой, хорошо

одетой женщины, первоклассного уважаемого специалиста, в замарашку. Одежда с чужого плеча (лучшая, какую удавалось найти в заброшенных фермах, так как моя была слишком тёплая). Неухоженные волосы, заплетённые в гладкую тугую косу. Потрескавшаяся кожа на руках, пальцы с коротко обрезанными ногтями. Редкое мытьё в водоёмах с экономным расходованием мыла — и (о, Боже!), наверное, от меня даже попахивает...

— Мы так рады новоприбывшим, — распинался Джон, — особенно красивым молодым женщинам.

И тут же смущённо потупился.

— Женщин у нас мало. Вы же знаете, здесь была секретная военная база. И служили здесь мужчины.

Молодой человек замялся, словно боялся сболтнуть лишнее.

— Не переживайте, — проникновенно произнесла я, — я догадываюсь, что здесь была за база, — и добавила, переводя разговор на более насущные проблемы: — Сколько народу сейчас здесь живёт?

— Немного, — вздохнул Джон, — часть военных постоянно находилась под землёй, наверху — обслуживающий персонал, рабочие, командование. И когда бахнула первая вспышка, самая сильная, — он замолчал и тяжело вздохнул, — не пострадали только те, кто был на нижних уровнях. А их было немного. Потом началась такая кутерьма. Полетели все настройки, сдохла электроника, электричество, лифты отключились. Пока разбирались с тем, чтобы обезопасить ракеты... — тут он бросил на меня испуганный взгляд и сглотнул.

— Я понимаю, — улыбнулась я, — можете не говорить...

— Так вот... — продолжил Джон, — наверх мы с полковником смогли выбраться только через несколько дней. И то, пешком сто этажей. Из четырёхсот человек, служивших на базе, осталась половина, и те не очень здоровые. Спутниковая связь отрубилась, радиотелефоны тоже. Проводные заработали только через несколько недель. На такой случай у нас предусмотрены специальные протоколы... — он опять запнулся и замолчал.

— Короче, с центра поступило распоряжение: первоочередное — охранять базу. И ещё. В телеграмме давались абсолютные полномочия старшему по званию. Всё остальное — на его усмотрение. Старшим на

тот момент был генерал Амудсен. Но месяц назад он умер от инфаркта.

— И кто же у вас здесь главный? — задала я вопрос.

— Полковник Калед, — с гордостью заявил Джон. — Это мы с ним были внизу, в шахтах, когда грохнуло.

Второй юноша, до этого времени сидевший молча, перехватил инициативу.

— В нашем распоряжении две нефтяные вышки, рядом небольшой нефтеперегонный завод. Но людей не хватает, особенно тех, кто разбирается в технике. Вот вчера вечером опять авария... — Арон махнул рукой. — Мы постоянно разъезжаем по Техасу, с рупором сообщаем, что приглашаем поселенцев, согласны предоставить кров, еду, защиту, но пока самостоятельно пришли лишь несколько сотен. Деревни и городки пусты... Сначала, пока Амудсен командовал, мы не принимали людей. Даже отгоняли от ворот... Генерал очень строго относился к базе, говорил, что мы не должны открывать ворота людям, должны охранять оружие, ракеты…

Молодой человек опять расстроенно вздохнул.

— Так вот... Потом, когда генерал умер и стал командовать полковник, политика изменилась, но людей уже не было. Мы собрали у себя всех, кого могли найти поблизости. Ежедневно фургоны курсируют по дорогам, приглашая народ. Правда, два раза на нас нападали бандиты. Один раз даже захватили грузовик. Теперь наши уезжают только хорошо вооружившись и по несколько человек в машине.

— Да, — вздохнула я, — бандитов развелось много. Сама несколько раз натыкалась на них и едва уворачивалась.

— Мисс Фрайди, вы откуда пришли? Везде так?.. — Джон запнулся. — Мы беспокоимся о родных. Некоторые солдаты из базы ушли в самоволку, чтобы узнать, что с близкими, и так до сих пор не вернулись.

Я отвернулась от ясных вопрошающих глаз.

— Я мало видела. Людей, действительно, немного, но они есть. Несколько посёлков было вполне обитаемых, правда... — я замялась и честно призналась: — не стала к ним заходить. Побоялась.

Разговорившись с мальчиками, я расслабилась. Они восхищённо смотрели на меня, а я чувствовала себя, словно читаю лекции перед

студентами. У них были точно такие же восторженно-трогательные лица и горящие любопытством глаза.

— Вы так много повидали, мисс, — медленно произнёс Арон, — шли с Чарльстона, через два штата, одна... А мы тут сидели всё время... Сначала нас вовсе никуда не пускали, а потом...

— Вы ничего не потеряли, — усмехнулась я, — и я была не одна. Со мной был мой верный Пол...

Я посмотрела на часы. Прошёл около часа после того, как меня привели сюда.

— Чувствую, что никогда не дождусь вашего командира, — произнесла я насмешливо, — он всегда такой медлительный?

— Не всегда, — раздался грубоватый голос со стороны двери.

Мальчишки вскочили и вытянулись в струнку, отдавая честь. Я же вся подобралась и медленно развернулась, переводя взгляд на вошедшего.

— Полковник Питер Калед, — кивнул по-военному мужчина.

— Виктория Фрайди, — так же кратко ответила я.

Высокий: мне пришлось задрать голову, чтобы посмотреть в лицо, хоть я и сидела в отдалении от двери. «Как и все военные, качок», — подумала невольно, рассматривая мощные бицепсы, перекрученные мышцы ног, пластины пресса, толстую шею. Жаркая погода заставляла носить минимум одежды и, соответственно, не оставляла простора воображению: шорты до колен и майка — вот и весь наряд полковника. Лицо грубоватое, словно вырезанное резчиком из дерева. Дневная щетина на подбородке, короткий ёжик волос. И острый цепкий взгляд из-под низко посаженных бровей.

Мы молча, настороженно сверлили друг друга глазами.

Ноздри полковника широко раздулись, втягивая воздух. Неужели я действительно плохо пахну? Вот чёрт, целый день сидела в засаде на солнцепёке и даже не подумала ополоснуться.

— Добрый день, мисс Фрайди, — процедил командир сквозь зубы, — можете быть свободны, — это он уже солдатам. Те тут же исчезли из комнаты, словно растворились.

Я так и не поднялась со стула, предпочитая иметь перед собой защиту в виде широкого стола, отгораживаясь от подозрительного мужчины.

Одно время я увлекалась любовными романами, в общем, как и все в юном возрасте. Я проглатывала их, как горячие хот-доги с голодухи. Начиная с двенадцати лет и почти до восемнадцати. Но, даже умиляясь первобытной страсти между героями, трезвый голос скептически хмыкал: не может этого быть. Меня всегда удивляли выражения: «словно молния ударила их», или «пронзила сердце», или «как только он увидел её, то сразу же почувствовал...», и так далее. И вдруг, столкнувшись взглядом с командиром, я поняла — это правда. То чувство, которое охватило меня всю, именно так и называется — молния поразила в самое сердце.

Кошмар!

Мужчина, увидев мою испуганную гримасу, угрюмо нахмурился. Глаза похолодели.

— Приятно познакомиться, — кривовато улыбнулась я и протянула для приветствия руку через весь стол.

Полковник наклонился вперёд и обхватил огромной ладонью мою ладонь.

Зря я это сделала. Словно в кипяток окунула — даже волоски на коже встали дыбом. Полковник тоже не остался равнодушным, потому что вздрогнул и дёрнул руку на себя, разрывая рукопожатие. Несколько секунд непонимающе смотрел на мою ладонь, потом тыльной стороной кисти вытер пот со лба и опустился на стул напротив.

— Извините, я спешил и не смог помыть руки, — грубовато бросил он, но в глазах мелькнуло замешательство. — Так значит, вы пришли к нам... Откуда?

То чувство расслабленности и комфорта, которое я испытывала рядом с Ароном и Джоном, испарилось. Сейчас я сидела, как на иголках. Мало того что сердце стучало, как сумасшедшее, так ещё и стало невыносимо жарко, кровь прилила к щекам, пот выступил на коже. Я откинулась на спинку стула, инстинктивно отодвигаясь подальше от нависающего солдафона.

****

Люди часто меня недооценивали. Они видели худенькую, хрупкую девушку с нежными чертами лица, простодушным взглядом и огромными ясными глазами. Но немного пообщавшись, понимали, что я не так проста. Стальной стержень, который я выращивала в себе с

пятнадцати лет, к тридцати превратился в железобетонную конструкцию.

Я быстро взяла себя в руки и спокойным, ровным голосом рассказала ещё раз свою историю. Чарльстон, больница, офисное здание, зима и путешествие по двум штатам в компании с овчаркой. Мужчина внимательно слушал, иногда задавая уточняющие вопросы — совершенно не такие, какие спрашивали юноши. Его интересовало, что говорили мародёры, из какой тюрьмы они прибыли, имя главаря. Он заставлял вспоминать малейшие фразы и уточнения, количество народу в трёх поселках, которые я обошла по касательной. Попросил на карте отметить их местоположение. Он спрашивал о моделях машин и мотоциклов, встречавшихся мне по дороге, о сельхозкультурах, с которыми я пересекала поля, идя сюда, какие лекарства у меня с собой, и какие я оставила в Чарльстоне, — и ещё много всего прочего. Я даже охрипла, рассказывая, и разволновалась, так как горячий взгляд полковника постоянно останавливался на совершенно неподходящих для этого местах: то на моих губах, то на шее, то опускался вниз на грудь, рассматривая так пристально, что становилось не по себе. Когда я пыталась уличить и поймать нарушителя, мужчина тут же отводил взгляд в сторону, изящно ускользая.

— На этом всё, — закончила я со вздохом. — Сегодня утром я наткнулась на вашу базу, несколько часов рассматривала её в телескоп, чтобы убедиться в безопасности... И вот я здесь.

— Нам очень повезло, что вы с нами, мисс Фрайди, — ровно произнёс командир. — Врач такой квалификации на базе крайне необходим. Думаю, вы и сами понимаете: сейчас главная цель — сохранение жизней. Люди — самое ценное, что у нас есть. В поселке у более чем ста человек те или иные проблемы с сердцем, и помочь им некому. У нас один врач на четыреста пятьдесят жителей, и тот — фельдшер. Зак — хороший парень, но его хватает на немногое: сделать перевязку, зашить рану или дать что-нибудь от кашля. У нас есть медицинский пункт, но лекарств там немного.

— На базе есть химическая лаборатория? — перебила я полковника.

— Не совсем лаборатория, — нахмурился он. — Скорее склад химических реагентов, — и сразу же добавил: — немного, но что есть

— всё в вашем распоряжении. А также любое помещение, подходящее для лаборатории и приёма больных. Возьмите помощников и приступайте. Я представлю вас на собрании завтра утром.

— Отлично, — ответила я. — Где я буду жить?

— Вновь прибывшие гражданские живут в бараках, — задумчиво произнёс полковник. — Солдаты — в казармах. Если хотите, то можете выбрать помещение рядом с больницей, в административном здании... Там живут офицеры... И ваш коллега живёт там же.

Мне показалось, что он не очень уверен в своих словах и вот-вот готов взять их обратно.

— Замечательно, — поспешила я согласиться, — я выберу помещение и сразу же приступлю к лечению. Собака будет жить вместе со мной... И это не обсуждается, — добавила я.

— Хорошо, — согласился полковник. — Только пусть не путается под ногами.

— Пол не имеет привычки путаться, — огрызнулась я. — Он очень понятливый пёс.

Я перевела взгляд на мужчину. Всё? Долгий разговор окончен? Я стремилась поскорее убраться из комнаты, от неприятного собеседника, от его тяжелого взгляда. Мне нужно было подумать. С утра столько всего произошло...

Полковник со странным выражением смотрел на меня. Мне казалось, что он хочет что-то сказать, но не решается. Стало тревожно. Я даже поёжилась. В животе засосало, как от голода.

— И ещё, — наконец тяжело произнёс он, — у нас здесь очень мало женщин. Почти в три раза меньше, чем мужчин...

Я напряглась, высокомерно вскидывая голову, чего угодно ожидая от сидящего напротив грубияна.

— Так вот. Советую вам вести себя осторожнее, — наконец проскрежетал полковник, — не одеваться вызывающе...

Он окинул меня напряжённым взглядом, и я сжалась, вдруг почувствовав себя полуголой в объёмной футболке и широких шортах. Мужчина продолжал:

— Не щебетать, как вы только что делали с солдатами...

Я задохнулась от возмущения. Оказывается, я заигрывала с мальчишками?

— Ещё не хватало из-за вас разнимать драчунов... Военная база — не место для интриг...

— Можете быть спокойны, полковник, — прервала я речь, поднимаясь со стула, — последнее, что меня интересует сейчас, — это устройство личной жизни... Я могу идти?

— Идите, мисс Фрайди, — мужчина поднялся вслед за мной, и комната тут же сжалась в размерах, стала невероятно тесной. Меня непроизвольно качнуло в его сторону. Словно огромный, пышущий жаром магнит, полковник с невероятной силой притягивал к себе. Казалось, ещё немного — и я окажусь в его объятиях. Нет, не дотронулась. Умудрилась сразу же восстановить равновесие.

«Наверное, слишком долго была под солнцем, — пришло в голову, — ещё в обморок не хватало грохнуться».

Джон вызвался провожатым. Юноша провёл меня по этажам, показал ангар, где хранятся реактивы. Подробный осмотр я оставила на завтра: уже стемнело, да и я порядком устала. На втором этаже административного здания находились жилые комнаты. Джон указал мне на вторую дверь слева по коридору.

— Раньше в этих комнатах жила секретарь генерала — сержант Томсон. Но она умерла сразу же после первой вспышки, почти полгода назад, — произнёс парень тихо. — Там всё убрано, комнаты ваши. Располагайтесь.

— Спасибо, — искренне поблагодарила я солдата.

— Спокойной ночи, мисс Фрайди, — улыбнулся Джон. — Я попрошу завтра у полковника разрешения помогать вам. Вам же будет нужна помощь? — и пусть в коридоре было темновато, мне почудился извечный мужской интерес, отразившийся во взгляде.

— Само собой, — согласилась я. — Мне будет нужна помощь.

А сама подумала: то, о чём предупреждал полковник, реально сбывается. Но этот мальчик двадцати с хвостиком лет не вызывает во мне ничего, кроме умиления. Я развернулась и зашла в комнату, подзывая Пола.

Тяжёлый день закончился... Кое-как помывшись в небольшом количестве воды, которую я нашла в кувшине, устроившись на жёсткой узкой кровати, я, наконец, расслабилась. Пришло время поразмыслить. Давно, ещё в молодости, я взяла себе за привычку перед сном подытоживать всё, что произошло за день: разложить по

полочкам, проанализировать и обдумать свои впечатления. Пол сопел на коврике возле входной двери. А я всё не могла уснуть. В памяти стояло грубоватое лицо полковника, прищуренные глаза, квадратный подбородок, агрессивные манеры главного самца в прайде. Оправдывало его хамское поведение лишь то, что он несёт огромную ответственность за бережно хранимый кусочек цивилизации среди хаоса и разрухи. А это тяжёлая ноша.

Утром меня разбудил гонг. Я глянула на часы — семь. Значит, подъём здесь ранний. Умылась, оделась, вывела Пола на прогулку. Ворота уже были открыты. Мой друг быстро сделал свои дела неподалёку и подбежал ко мне.

— Я покажу вам столовую, мисс Фрайди, — откуда-то нарисовался Джон.

Увидел меня сверху?

По пути он рассказал, что основная часть поселенцев живёт семьями, и они питаются сами, готовя еду. А для одиноких гражданских и военных есть столовая. Полковник чётко следит, чтобы все отрабатывали и еду, и проживание. Никто не сидит без дела: фермеры собирают и заготавливают урожай, плотники строят рядом ещё один барак, женщины шьют, готовят, убирают, у военных — охрана периметра, вышек и объезд территорий... Электричество, пояснил Джон, включается каждый день на два часа: утром с восьми до десяти и вечером с восьми до десяти. За это время можно включать стиральные машины, послушать музыку, потанцевать, посмотреть видео в общем зале...

— У нас здесь очень хорошо, мисс Фрайди, — хвалился Джон, — вам понравится.

Я с улыбкой согласилась.

Когда мы вошли в столовую, там уже сидело около сотни народу. Меню было вывешено на двери: бобы, чечевичная каша с мясной подливкой, кукуруза, салат из свежих овощей, ягодный морс. На меня уставились десятки любопытных глаз. В столовой были в основном мужчины, но я заметила в толпе и женщин. Я быстро набрала еды на поднос и уже было пошла вслед за Джоном к столу, как в дверях появилась знакомая внушительная фигура.

— Минутку внимания, — раздался зычный голос полковника, — я хочу вам представить нового жителя базы, — он сделал мне пас рукой,

подзывая к себе. Я, вздохнув, поплелась ко входу.

— Прошу любить и жаловать — врача, доктора медицинских наук, Викторию Фрайди, — полковник обхватил мои плечи и развернул меня лицом к столам, сам оставшись за спиной, — Виктория работала в госпитале в Чарльстоне, преподавала в институте, заведовала кафедрой экспериментальной хирургии...

Я скрипнула зубами. Его послушать — так к ним спустился мессия и всех тут же вылечит одним моментом, даже без лекарств.

Полковник продолжал говорить, неосознанно положив широкую ладонь мне на талию:

— Я советую всем, у кого есть проблемы с сердцем... Да, Рей, это тебя касается, — полковник кивнул на бледного худого мужчину, сидящего во главе стола справа, — записываться на приём к специалисту...

Он что-то ещё говорил, а мои мысли куда-то уплывали. Я чувствовала спиной жар от стоящего сзади мужчины, тяжесть его руки на бедре. Мне показалось, или он медленно несколько раз провёл большим пальцем по поясу брюк, разглаживая рубашку? Кожа тут же покрылась мурашками.

Полковник замолчал, несильно подтолкнул меня в спину, и я направилась к столу, на котором стоял мой поднос. Сам уселся рядом.

— Полковник, разрешите обратиться, — произнёс Джон, и, дождавшись кивка, продолжил: — Позвольте мне помогать мисс Фрайди в обустройстве лаборатории?

— Нет, — категорическим тоном ответил мужчина и обвиняюще посмотрел на меня, словно это я была виновата. — Ты будешь нужен на вышках.

— Но... — видимо, Джон что-то хотел сказать, но полковник его резко оборвал.

— Я уже распорядился: мисс Фрайди будет помогать Том.

Я не принимала участия в разговоре — мне было абсолютно всё равно, кто мне будет помогать. И только подойдя к складу реагентов, я поняла, что имел в виду полковник. Тому было за семьдесят.

На несколько недель я полностью погрузилась в работу. Наконец, я добралась до любимых реактивов и колбочек. Реагентов было немного. Точнее, они были в больших количествах, но в малом разнообразии. Я целыми днями думала, как из трёх бочек серной,

уксусной и азотной кислот, мешка серы и пары килограмм белого фосфора получить нужные соединения. Не хватало многих компонентов, а главное — не было аппаратуры для очистки примесей. Перегонный куб, который я самостоятельно собрала, не давал стопроцентного этилена, а без него я не могла получить пропилен и глицерин.

Первым препаратом, который я синтезировала, стала салициловая кислота — самое простое и довольно распространённое соединение. «Ещё немного труда — и получится ацетилсалициловая. А это уже великолепное лекарство!» — прыгала я от счастья.

Я забывала поесть, а иногда и поспать. Только когда верный Пол начинал скрестись в дверь лаборатории, я смотрела на часы. А ведь ещё нужно было принимать и пациентов, а не только заниматься наукой. Пока я лечила настойками и отварами трав. Детей на базе не было. Самому младшему жителю недавно исполнилось восемнадцать, а самым старшим был мой помощник Том. Я втайне поражалась его здоровью: выжить после вспышек и ничем не заболеть, когда организму уже семьдесят лет — это чудо. Том серьёзно отвечал: «Девочка, поработаешь в поле с моё...» Он пришёл на базу со своим сыном и невесткой, жена погибла сразу же после первой вспышки, как и обе внучки, трёх и пяти лет...

Постепенно я влилась в общий распорядок жизни. Повесила расписание приёма больных, остальное время отдавала лаборатории и синтезу препаратов. Само собой, я понимала, что в промышленных масштабах не смогу создавать лекарства и, скорее всего, в основном придётся лечить фитотерапией, но не унывала. Плюс мне всегда нравилось экспериментировать.

С жителями у меня установились дружеские отношения. Самыми частыми гостями были обитатели базы с сердечно-сосудистыми заболеваниями. Нитроглицерин и активаторы плазминогена я хранила для серьёзных вещей, таких как инфаркт миокарда или ишемический инсульт. Поддерживающей терапией назначала аспирин, отвары боярышника, мяты и валерьяны.

Пол был прекрасным сторожем. Он сидел возле входной двери в медицинский центр и фильтровал пациентов. После того, как ко мне пару раз заявились не совсем трезвые мужчины с надуманными «расстройствами» и «что-то колет в сердце», я приказала Полу не

пускать пьяных. И хоть мой пёс был самым добродушным и воспитанным на свете, мужчины этого не знали. Стоило только Полу зарычать, оскалив зубы, как они тут же бросались наутёк.

На свидания времени не оставалось. Пару раз Джон приглашал меня посмотреть фильм или пойти на танцы. Я ссылалась на загруженность и откладывала свидания на потом. Юноша обижался, но всё равно просиживал в моей лаборатории свободные вечера, тихонько разговаривая с Томом или прикармливая Пола. Приносил мне ужин, когда я забывала прийти в столовую, переставлял мебель и выгуливал овчарку.

А однажды с длительной вылазки в соседний городок Джон привёз электрокардиограф. Я была так рада, что сразу же вызвала к себе к восьми утра (когда давали электричество) особо тревожащих меня пациентов, и теперь у меня есть все кардиограммы.

С полковником Каледом установились прохладные, настороженные отношения. Мы кивали друг другу, сталкиваясь в коридоре административного корпуса или в столовой. Обходили друг друга по широкой дуге, не желая прикасаться даже дыханием. Но как бы я ни пыталась делать холодный и неприступный вид, я всегда интуитивно знала, где он находится и что делает.

Я рано утром выгуливаю Пола — полковник уже стоит на плацу, отдаёт приказания военным и раздаёт поручения. Выхожу в поле собирать травы — стоит на вышке, рассматривая окрестности в бинокль. В столовой, едва я, отвлёкшись, поднимала голову, сразу же натыкалась на его взгляд с противоположного конца стола. Он так же, как и я, сразу его уводил в сторону, делая вид «случайного». И даже запершись в своей спальне вечером, после трудного дня, я чувствовала волнующий запах техасской пыли и бензина, постоянно сопровождающий полковника.

Если он и посещал мою лабораторию, то дальше двери не заходил. Цедил сквозь зубы: «Не нужно ли чего?» и «Как идёт лечение больных?» Выслушивал такой же дипломатичный ответ и убирался прочь.

Я считала себя миролюбивой и искренней. У меня было много друзей и знакомых — и в школе, и в институте, и среди коллег. Но с полковником вышел изрядный облом. Как я ни старалась, наладить дружеские отношения не получалось. В его присутствии я терялась и

становилась застенчивой и косноязычной. Внутри каждый раз что-то дёргалось, стоило лишь услышать громкий командирский голос. Поэтому я решила вообще с ним не пересекаться.

Я проснулась посреди ночи от громкого стука в дверь. Пол тут же разразился хриплым отрывистым лаем. Сначала я дико испугалась. В мозгу ещё теснились смутные образы лабиринтов вентиляционных шахт, по которым я бесконечно ползала, скрываясь от бандитов, сердце выскакивало из груди. Я быстро осмотрелась — на улице темно, ни вспышек, ни выстрелов, база спит, только кто-то колотит в дверь. Накинула халат и пошла открывать.

С занесённым для повторного удара кулаком, на пороге стоял полковник Питер Калед. Напряжённое лицо, сдвинутые брови.

— Что-то случилось? — сразу же всполошилась я. Внешний вид полковника не располагал к шуткам.

— Собирайтесь, через пять минут жду в медцентре.

Мужчина развернулся и скрылся в темноте коридора.

Я даже не стала расспрашивать дальше, понимая, что просто так Питер меня не позовёт. Умылась, заплела косу, футболка, шорты — и я готова. Пол увязался за мной. Когда я влетела в медцентр, там уже толпилась куча народу. Этот металлический запах я ни с чем не спутаю... Пахнет свежей кровью. Возле стены, скрючившись и слабо постанывая, лежал Джон, с белым, искажённым болью лицом. Его одежда, руки, ноги и даже волосы были в крови.

— Что произошло? — нервно спросила я, приседая на корточки возле парня.

— Десять минут назад приехал разведывательный отряд, посланный в Чарльстон, — произнёс полковник. — Они напоролись на хорошо вооружённую банду. Арон погиб, Джон сильно ранен в живот и в плечо, остальные солдаты отделались царапинами.

— Помогите переложить Джона на смотровой стол и выметайтесь отсюда, — рявкнула я, — Зак перевяжет остальных, я займусь тяжелораненым.

Слава богу, морфин у меня был. Именно для таких случаев я и берегла стратегические запасы из госпиталя. Когда Джон отключился, я срезала одежду и начала осмотр. Сначала убрать грязь и очистить раны. Перекись водорода, йодный спиртовой раствор. Голова работала, как часы, отбросив прочь неуместные переживания. И пусть я уже

пять лет не оперировала, после защиты диссертации отдав себя науке, старые навыки не забылись. Бинты, пинцет, щипцы, антисептики, стерильные перчатки, хирургическая маска — всё на месте.

Два огнестрельных ранения. Сквозное плечевое и живот... Плохо. Пуля прошла через широкий армейский пояс и застряла в боку. Рентгена нет, значит, на ощупь. Сначала промыла и перевязала плечо. Теперь можно повозиться с животом.

Когда я закончила, рассвет был в полном разгаре. Пришлось удалить часть кишечника, но это небольшая плата за жизнь.

Последнее — подключить капельницы и зафиксировать ремнями, чтобы, после того как Джон очнётся, не свалился со стола. Настоящей больничной палаты у нас ещё не было. Необходимости не возникало. Теперь придётся приспособить под койки кровати в соседней комнате.

Я устало потянулась и, наконец, огляделась по сторонам. Солдаты ушли, в углу на кушетке сидел полковник. Лицо осунулось и заострилось. Красные, уставшие глаза уставились на меня с немым вопросом.

— Жить будет, — выдохнула я. — Много крови потерял, нужен донор для переливания. Пока я вливаю глюкозу, но через пару часов потребуется кровь.

— Найдём. Все группы крови солдат задокументированы в их личных делах, — ответил хрипло полковник. — Идите спать, мисс Фрайди. Я послежу за капельницей.

— Нет, — я сняла маску и присела рядом с мужчиной, — действие морфина скоро закончится. Будет лучше, если я буду здесь, когда Джон очнётся.

Мы замолчали. Голова кружилась от усталости, дрожали ноги. Как-то сразу всё навалилось: и дикий неконтролируемый страх, тревога за Джона, и осознание того, что спокойного, молчаливого Арона больше нет. Я откинулась головой назад и уже в полусне почувствовала, что съезжаю на плечо полковника. Сначала оно было ужасно твёрдым, потом стало мягким и нежным, а потом всё стало таким замечательным, что я отключилась.

Джон выздоравливал быстро. Через неделю уже пытался вставать с койки и помогать мне в работе. Я гнала его обратно в постель, но он только улыбался. Более жизнерадостного парня мне видеть не

приходилось. Полковник заходил каждый день, а иногда и по нескольку раз за день.

Однажды вечером он зашёл к Джону с легким диетическим ужином (мы с Заком приспособили соседнюю комнату под палату на два места). Я вскользь поздоровалась, не отвлекаясь от процесса выпаривания жидкости. Две недели назад я приступила к выращиванию пенициллина на лактозе и сахарозе. А сейчас у меня уже была устойчивая колония плесени. Она занимала целый ряд полок и была готова к употреблению. Стерильный раствор пенициллина можно было, конечно, заморозить (холодильник в медицинском центре работал бесперебойно), но я задумала его очистить и стабилизировать, превратив во что-то похожее на знакомый всем порошок.

Когда я, наконец, закончила опыт, прошло не менее двух часов. За окном стемнело. Я удивленно нахмурилась — на кушетке у стены тихо посапывал полковник. Оказывается, он никуда не ушёл? И всё это время был здесь?

Я тихонько подошла и остановилась напротив мужчины. Однодневная небритость и растрёпанная шевелюра были так непривычны для строгого, всегда подтянутого командира. Сердце сдавило. Устал. Сколько я его знаю, он всегда занят, всегда куда-то торопится, раздаёт поручения, ездит чинить насосы, опускается в шахты, к боеголовкам. Ни минутки, ни секунды отдыха.

Я, наконец, могла не прятать взгляд и рассмотреть его подробно. Мелкие мимические морщинки, опалённые горячим солнцем, оставили белые полоски на висках. Твёрдые, даже во сне сурово сжатые губы. Квадратный подбородок, мощная шея, мускулистые плечи. Тихое, едва слышное дыхание поднимает и опускает грудь. Тяжёлая ноша ответственности за жизни и здоровье людей в нашем маленьком поселке прочертила вертикальную складку на лбу. Бремя власти в мире, где уже нет ни власти, ни мира...

Рука сама, против воли, потянулась к непокорным жёстким волосам. Я легонько провела по краю, убирая волоски с влажного лба. Мне нестерпимо захотелось прикоснуться к нему, пусть пока спит. Потому что потом... я не смогу позволить себе это.

Я склонилась ниже и вдохнула его запах. И сразу же уткнулась в бездонные серые глаза, находящиеся в нескольких сантиметрах от моих. Мы замерли, почти не дыша.

Я падала, как в пропасть, в его чёрные зрачки, и мне показалось, что они заполонили весь мир. А потом почувствовала твёрдую руку на затылке, и сухие жёсткие губы прижались к моим.

Взрыв. Сумасшествие. Я, как врач, могла бы привести тысячи определений поцелуя, описать химический синтез, возникновение органических реакций, выброс в кровь адреналина, эндорфинов и прочих гормонов. Но что такое сухая наука против пьянящего ощущения восторга, которое поглотило меня? Как я могу описать ту сладкую податливую влажность, головокружение, истому? Трепетный эмоциональный отклик своего тела на его прикосновение, запах, вкус?

Я и не заметила, как оказалась у Питера на коленях. Где-то глубоко в голове мелькнула мысль, что я знала. Знала, что так будет, стоит мне только к нему притронуться. Не зря я так долго сторонилась полковника. Потому что сейчас, слившись губами в одно целое, я хочу большего. Хочу видеть его голым, обхватить руками и ногами тело, ощутить упругую тяжесть, горячую гладкую кожу под пальцами. Хочу его всего, до конца.

Голова отключилась, я ничего не соображала, только чувствовала. Всем телом, всей женской сутью. Горячие сильные пальцы на коже, сладкий плен языка, атакующего и ласкающего одновременно. Губы, опускающиеся вниз по скуле, поцелуи шеи, ключицы. Я превратилась в сплошной оголённый нерв, вибрирующий от малейшего прикосновения.

— Пойдём к тебе, — прохрипел полковник, вставая вместе со мной с кушетки и держа на весу, — здесь не место.

Я с трудом, но очнулась от дурмана. Что я делаю? На дворе глубокая ночь, в соседней комнате спит Джон. Я с трудом отцепила его руки и отошла в сторону.

— Нет, — тихо произнесла дрожащим голосом, — не знаю, что со мной произошло, но это неправильно…

Голос окончательно осип. Я растерялась, запаниковала, на глаза навернулись слёзы.

— Зато я знаю… — тихо и уверенно произнёс полковник. Вот у него точно не было никаких сомнений. — Знаю, что меня давно привлекает один дипломированный врач, — прошептал он, осыпая моё лицо лёгкими поцелуями, медленно разворачивая к выходу. — Строгая красавица в халате. Что я не могу заснуть, если хоть раз в день не

увижу её. Что меня магнитом тянет в медицинский центр, хотя раньше я бежал от докторов, как от огня. Что я возбуждаюсь, как шестнадцатилетний юнец, стоит мне услышать её голос.

Как мы оказались в моей спальне? Как дошли до кровати? Лишились одежды? Не помню. Только жар его рук, вкус кожи, категоричный хриплый голос, властный, отдающий приказы, лишающий меня силы и желания к сопротивлению.

День разделился на до и после. Ранняя побудка, нежные сонные ласки в рассветном сумраке. Скорый уход и мой одинокий завтрак. Работа, пациенты, неиссякаемый ручеёк больных, опыты, синтез, реакции. Обед в разных концах столовой, встречи украдкой взглядами через заполненную людьми комнату. Иногда, в течение дня, его короткие визиты в медцентр: сорвать тайком поцелуй в уголке, шепнуть, как же он ждёт ночи, принести в кармане смятый полевой цветочек или горсть ягод. А потом ужин в комнате и ночь — долгая, жаркая, упоительная и сладостная.

Подозревала ли я когда-нибудь, что найду его, своего единственного мужчину, здесь, в жарком Техасе? В сотнях километров от родного Чарльстона? Военного? Грозного и сурового полковника? Двухметрового солдафона с гранитной мускулатурой и командирским голосом? Думала ли я, что вся моя жизнь была длинной тернистой дорогой, ведущей сюда?

Конечно, нет. Но такого полного счастья, гармонии, единения душ и тел я не испытывала никогда в своей жизни.

Когда-то в молодости я читала статью Фрэнсиса Чизхолма. Так вот, есть у него несколько законов. Один из них гласит: когда дела идут хорошо, что-то должно случиться в самом ближайшем будущем.

От мирной спокойной жизни человек расслабляется и пропускает опасность. Это случилось и со мной.

Все в поселении знали, кто я для полковника, поэтому и делали мне и Полу разные поблажки.

Раньше я выходила за травами только в окружении охранников. Через пару месяцев допускалось бродить самостоятельно, на небольшом удалении от базы, в визуальной видимости часовых на вышках. А ещё через месяц, когда мне вдруг срочно потребовалось отойти дальше, за холм, где росла мандрагора, меня отпустили и вовсе одну. Калед забрал почти всех солдат на нефтяную вышку — у них там

произошла очередная авария. В гарнизоне оставались лишь мирные жители и минимум часовых.

— Я быстро, — скривила умильную рожицу, — туда и обратно. Даже Пола брать не буду.

Через полчаса я, связанная как куропатка, ехала в грязном фургоне и проклинала себя на все лады. Но было поздно. Не успела я отойти и нескольких километров от базы, как меня схватили какие-то мужчины, прятавшиеся в овраге. Быстро и крепко связали и без разговоров запихнули в грузовичок. Их было то ли двое, то ли трое. Скорее всего разведчики, так как они не стали насиловать меня сразу, а предпочли отвезти в логово.

Я тряслась на жёстком полу и пыталась проработать план. Но срывалась и опять принималась паниковать. Конечно, я буду бороться до последнего — я так устроена. И рабство у бандитов — это не конец света, но жизнь, ожидающая меня, рисовалась лишь в чёрных красках.

Часа через три или четыре фургон остановился. Привал?

Мужчины со смешками вытащили меня из фургона, попутно облапав с ног до головы. Поставили на ноги. Я старалась не показывать своего страха: не плакать, не стонать, не умолять о милости, хотя внутри всё сжалось от ужаса.

— В туалет пойдёшь? — спросил самый высокий и серьёзный. Остальные уже отошли к деревьям и справляли нужду.

— Пока не хочу, — ответила я и поинтересовалась ровным голосом: — Куда вы меня везёте?

— Тебе этого знать не положено, — отрезал мужчина. Ещё один подошёл сзади, медленно застёгивая штаны.

— Уилл, — двусмысленным взглядом окинув меня с ног до головы, произнёс он, — а может, ну его этот запрет? Развлечёмся? Никто не узнает, а с неё не убудет...

— Ты знаешь правила, — резко бросил тот, — пока Антонио не посмотрит, трогать нельзя. Тем более мы долго врача искали.

Я замерла, удивлённо округлив глаза. Они знают, что я врач? Откуда? У меня на лбу написано?

— Откуда вы знаете, что я врач? — пристально посмотрела Уиллу в глаза. Тот усмехнулся.

— У нас свои источники информации.

Понятно, значит, на базе есть крот.

— Вы меня поджидали? — опять поинтересовалась я.

— Да, — ответил мужчина. — Долго пришлось караулить, ты была осторожной.

Была… Расслабилась от хорошей жизни, забыла, что за периметром базы есть другая...

Эти бандиты сильно отличались от тех, которых я видела в Чарльстоне. Вежливые, корректные (по крайней мере, Уилл). А вдруг мне удастся с ними договориться?

****

Еще час тряски на полу фургона — и мы прибыли на место. Если мы ехали строго на юг, то сейчас должны оказаться в Мексике. Ноги уже меня не держали, и я рухнула на землю, когда меня вытащили из фургона. Вокруг меня сразу же оказались несколько смуглых мужчин бандитской наружности. Пристальные нескромные взгляды: похотливые, насмешливые, сочувственные. Я вся сжалась от страха. Болели ушибы, всё тело было покрыто пылью и потом. Уилл резко дернул меня за руку, поднял с земли, развязал руки и ноги. Мужчины что-то лепетали по-испански, скалясь.

Мы находились во дворе то ли ранчо, то ли огромной фермы. Высокий каменный забор окружал периметр. Много техники во дворе, несколько лошадей у привязи. В центре — небольшой пруд, искусственный или природный. Наверное, в мирное время здесь было красиво. Высоко на холме белела роскошная вилла.

— Ты привёз врача? — раздался мужской голос справа.

Я обернулась. К нам направлялся смуглый красавец. Говорил он по-английски — это хорошо.

— Да, Антонио, — кивнул Уилл, — та самая докторша. Она сама вышла за периметр.

— Так-так, — мужчина обошёл меня по большому кругу. — Значит, ты отличный врач?

Я уставилась мужчине в лицо. Типичный наркобарон из голливудских боевиков — золотые часы, кольца на пальцах, цепь на шее, рукоятка револьвера в кобуре. Пижон…

— Вы привезли меня сюда проверить мою квалификацию? — скептически спросила я.

— Не зарывайся, девочка, — оскалился он зубастой улыбкой, и мурашки побежали по моей коже. — Если я захочу — будешь

обслуживать бойцов или мыть полы в уборной, будь ты хоть профессором…

— Извините, — произнесла я как можно доброжелательнее, — устала, набила синяков, немного нервничаю… Мы могли бы спокойно поговорить где-нибудь?

— Конечно, леди, — он вновь лучился обаянием. — Что же я, как негостеприимный хозяин, не предложил вам отдохнуть? Пройдёмте.

Обратившись к стоящим мужчинам, сказал:

— Спасибо, Уилл, хорошо поработали. Отдохните и возвращайтесь на маршрут.

Антонио Гонсалес был гангстером, миллионером и просто мерзкой личностью. Всю свою жизнь — сыном и внуком бандитов. Его семья торговала оружием, людьми, наркотиками, органами — всем, что приносило прибыль и было вне закона. Он говорил об этом спокойно и весело, словно рассказывает забавную историю. Привык к деньгам, подчинению, власти и господству. Людей он ни во что не ставил, как и закон, порядок, мораль. Он мог быть любезным, мягким и внимательным, но я видела его глаза. Они были пусты и холодны, как у рыбы.

Я сидела в грязной одежде напротив лощёного мужчины, внимательно его слушая и потягивая апельсиновый сок. Старалась изображать уверенную и спокойную женщину.

— Родители погибли в первую вспышку, — продолжал Антонио. — Я немного поболел, меня напичкали таблетками, но всё обошлось. В последнее время я стал уставать. Появилась одышка.

Я присмотрелась внимательнее: да, небольшая синева под глазами присутствует, но она могла быть следствием бессонной ночи, усталости, проблем с почками или алкоголем — как у любого молодого человека… «Как же он себя любит! — пришла в голову мысль. — Как заботится о себе: даже вот врача себе украл и привёз за сотни километров».

— Вы принимаете наркотики? — спросила я серьёзно.

— Нет, конечно, — он посмотрел на меня как на дуру. — Баловался по молодости кокаином, но несколько лет назад бросил — пусть травятся другие, — добавил он и фыркнул.

— Травмы головы, ушибы носа, лба? Дрались с кем-нибудь?

— Нет, — отрезал Антонио. — Я не дерусь, сразу стреляю.

— Сонливость? Тошнота? Учащённое мочеиспускание? — спрашивала я дальше.

— Да нет, вроде, — потянул мужчина задумчиво.

— Кашель, когда ложитесь в горизонтальное положение?

— Да, — в его глазах мелькнул испуг. — Иногда бывает.

— Не беспокойтесь, — попыталась я его успокоить. — Это может ничего не значить… Хорошо бы сдать анализы, сделать электрокардиограмму, измерить давление… Или хотя бы послушать шумы в груди.

— Не знаю… А что для этого нужно? — он тут же оживился.

— Аппараты, оборудование, реактивы, — вздохнула я. — У вас есть хоть что-нибудь? Стетоскоп? Тонометр?

— На вилле нет, — твёрдо произнёс Антонио. — Но мои парни всё найдут, нужно только приказать. Напишите список того, что нужно!

Я решила относиться к нему как к пациенту — как к больному человеку. Сделала небольшой анамнез, почти успокоилась, расслабилась. Ничего страшного. Пусть Антонио и бандит, но он нуждается во мне.

— Хорошо, список я составлю, — деловым тоном произнесла я. — А пока я хочу проверить пульс, послушать сердце. Когда могу это сделать?

— Да хоть сейчас! — воскликнул мужчина и добавил, улыбаясь: — Какой я невнимательный хозяин! Сразу на вас навалил свои проблемы… Просто так рад, что вы посетили наш закрытый мирок. Давно не общался с очаровательной и умной женщиной.

Я с подозрением уставилась ему в лицо: не похоже, чтобы он интересовался умными женщинами.

— Пройдёмте со мной, — Антонио встал и протянул мне руку. — Покажу, где вы будете жить.

Мы вышли из небольшого бунгало и начали подниматься в гору. На огромной территории располагались бараки, хозяйственные постройки, гаражи и склады. Небольшие гостевые домики (вроде того, где мы беседовали) были раскиданы чуть выше. Ещё выше, над всеми, возвышалась вилла.

— Я уже несколько недель не поднимался пешком на виллу, — рассказывал он по дороге. — После того, как стал уставать и

задыхаться, поднимаюсь на автомобиле или ночую внизу, в бунгало. Но вы, я слышал, абсолютно здоровы, Виктория? — Он пристально взглянул мне в глаза.

— Откуда вы обо мне столько знаете, сеньор Антонио? — ответила я вопросом на вопрос.

— Я знаю всё, — отрезал мафиози прохладно. — Давно принял это за правило. Проще платить и держать информаторов, чтобы быть первым.

— Похвальное умение, — пробормотала я себе под нос.

— И у меня везде есть свои люди — на базах, в городах. У меня большие планы, мисс Фрайди, — весело добавил он. — Мне нужно быть совершенно здоровым, чтобы завоевать мир и создать своё собственное государство.

— Амбициозно, — пожала плечами я, переваривая услышанное.

Мужчина открыл дверь небольшого одноэтажного домика с тростниковой крышей.

— Вы ведь не будете мне перечить, мисс Фрайди? Будете послушной? — обаятельно улыбнулся он, пропуская меня вперед.

— Постараюсь, — проворчала я, осматривая новое жильё.

Место было симпатичное — словно пятизвёздочный отель на берегу океана. Две комнаты: гостиная и спальня с роскошной кроватью под тюлевым пологом. Затемнённая терраса, увитая цветами, опоясывала всё бунгало. Если бы не то, что я находилась в логове преступников, мне бы здесь даже понравилось.

— Располагайтесь, — кивнул мужчина. — Электричества нет, но есть керосиновая лампа. Завтра я покажу свои владения. И, пожалуйста, не расстраивайте меня: не пытайтесь сбежать или что-нибудь подобное.

Я непонимающе хлопала глазами.

— Я становлюсь очень неуравновешенным, когда злюсь, — снова широко улыбнулся Антонио. — Завтра утром приглашаю вас на завтрак на виллу: с балкона видно Мексиканский залив, прекрасное зрелище… Ферма по периметру заминирована. И собаки.

— Что, собаки? — переспросила я.

— Ночью выпускаю собак, — глаза его лучились удовольствием, — советую до рассвета не выходить за дверь. Они голодные и приучены к человечине.

«Да он псих!» — вспыхнуло в голове.

— И да, — оскалил идеальные зубы Антонио, — моя вероятная болезнь должна держаться в секрете. Понимаете? Врач нужен для всех, так что осматривать придётся и моих бойцов…

Красавец вежливо поклонился, развернулся и ушёл. Я закрыла дверь, опустилась прямо в коридоре на пол, несколько раз стукнулась затылком о дерево в надежде, что в голове прояснится. Вдруг придёт озарение: что делать дальше?

Только через неделю я смогла уговорить Антонио выпустить меня за периметр фермы. Лекарств в аптечке было мало.

— Пока я не оборудую лабораторию, вам придётся пить настойки и лекарственные чаи, — говорила я, считая пульс Антонио и занося в блокнот.

Пульс был учащён, диагноз подтвердился: хроническая сердечная недостаточность второй стадии. Я написала список нужного для оборудования медицинского кабинета. Антонио пообещал, что его люди всё найдут и привезут. Оставалось только ждать и увиливать от свиданий с боссом.

Он приходил каждый вечер то с бутылкой вина, то с фляжкой текилы, а я делала вид, что забочусь о его здоровье, и уговаривала отказаться от алкоголя. Попутно читала лекции о правильном образе жизни, показывала несложные упражнения, описывала диету. Я очень беспокоилась о его здоровье, понимая, что тонкая ниточка отделяет меня от насилия или смерти — и эта ниточка в руках Антонио.

Я надеялась, что пока нужна ему, он будет держать себя в руках. Хотя иногда он пугал меня внезапными прикосновениями: то дотронется до щеки, то обнимет за талию, то проведёт рукой по волосам. Я поёжилась и сжималась от страха. Он улыбался и поднимал ладони вверх, словно извиняясь, но в глазах плясало веселье.

А два дня назад он показал мне ранчо — я увидела ад. Рабы и рабыни: избитые, измученные, жалкие. Самих бандитов — человек сто, обвешанных автоматами, следящих за порядком. Работали другие: бедные мужчины и женщины жили в грязном бараке, работали от зари до зари, питались отбросами, ходили почти обнажёнными. С непроницаемым лицом я шла рядом с Антонио, стараясь не обращать внимания на двусмысленные взгляды охранников.

Я так и не поняла, зачем нужна была эта демонстрация силы — для контраста? Чтобы я оценила своё положение? Или для устрашения, чтобы не шарахалась от его ласк?

Антонио подходил всё ближе и ближе — ласковыми улыбками, мнимой заботой, словами… А сам по вечерам расстреливал пленников во дворе и натравливал собак на беглецов.

Дни были полны ужаса. Я балансировала на грани, стараясь не реагировать на жестокость. Проводила часы с Антонио, делала массаж, составляла диетическое меню, сортировала препараты, которые привозили бандиты. А ночи… Как же я тосковала по Питеру! По его рукам, поцелуям, по его ласковому «Тори». Я кляла свою глупость и молилась, чтобы Питер не отправился меня искать: собаки, ловушки, мины… страшно. И безнадёжно.

В провожатые мне дали двух мужчин с автоматами. Антонио искренне не понимал, для чего мне травы, кактусы и коренья.

— Немного подождать — и мои люди привезут всё, что нужно, — приговаривал он.

Я отмахивалась, что фитотерапия тоже важна. На самом деле мне просто хотелось вырваться из ранчо, пусть даже с двумя бандитами… Мы ушли на несколько миль к заливу. Я хотела набрать водорослей и просто увидеть море.

Всё случилось мгновенно. Секунда — и мои сопровождающие лежат на земле обезоруженные. Джон сел на одного, Питер обрабатывал другого. Ко мне подскочил Пол, яростно виляя хвостом.

— Боже мой! — шептала я, поражённая и счастливая. — Питер… Как ты… Боже…

Я дрожала, из глаз текли слёзы. Питер прижал меня к груди, я вжалась в него изо всех сил.

— Ты пришёл, — шептала я, ощупывая его руки, плечи, лихорадочно повторяя: — Это ты… Ты пришёл…

— Пойдём, милая, — прошептал он мне в волосы. — У нас мало времени! Машина стоит в паре миль к северу, там мои люди…

Но тут же мы услышали гул моторов: к нам двигались мотоциклы и машины. Мы застыли втроём, окружённые кольцом вооружённых головорезов. Антонио спрыгнул с внедорожника.

— Так, так, — весело произнёс он. — Полковник Калед… Какая встреча! Мы вас ждали…

Питер мгновенно выхватил пистолет и задвинул меня за спину, Джон встал с другой стороны. Но было поздно: сзади, слева и справа приближались люди с автоматами.

Антонио подошёл ближе.

— Спешу огорчить, — небрежно сказал он, поигрывая револьвером. — Ваших людей уже взяли. Ах, Виктория, — перевёл взгляд на меня, — тебя придётся наказать за непослушание…

— Только через мой труп, — прохрипел Питер, направив оружие на Антонио.

— Это устроить — проще простого, — улыбнулся мафиози. — Бросьте пистолет, полковник — вы все на мушке, и ваша докторша погибнет первой при перестрелке. Поговорим спокойно и решим всё выгодно для всех.

Питер, помедлив, опустил руку и медленно положил пистолет на землю. Я хотела закричать, что Антонио лжёт, но не успела.

Антонио сделал знак. Очередь прошлась по нашим ногам. Я почувствовала жгучую боль в икрах, рухнула на землю, хватая Питера за руку. Питер всё ещё стоял, но ноги его дрожали и кровь бежала по ним.

— Ничего страшного, Виктория, — сказал Антонио, улыбаясь. — Врач может лечить и в инвалидной коляске, правда? А вот зачем мне полковник?

— Отпусти девушку, — прохрипел Питер, прижимая мои плечи к бедру. Я ощущала его кровь на руках. — Ты обещал: возьми меня.

— Зачем мне ты? — удивился Антонио. — Мои люди и так откроют ночью ваши ворота, я возьму базу без выстрела.

Дальше всё происходило как в замедленной съёмке: кадр за кадром. Антонио поднимает руку с револьвером, я ползу, стараясь закрыть Питера собой. В голове мысль — меня он не убьёт, я нужна ему; от боли уже плохо соображаю. Питер отталкивает меня вбок, я неуклюже падаю и больно ударяюсь плечом о землю. Грохот выстрелов ослепляет. Я вижу, как на груди Питера расплываются два кровавых пятна. Он падает на спину, поднимая облако пыли. Я ползу к нему, оставляя алый след.

— Нет… — шепчу, не веря в происходящее.

— Нет! — вскрикиваю, пытаясь закрыть раны руками. Руки тут же окрашиваются в цвет его ускользающей жизни. Почему столько

крови? Море, океан крови. Неужели в теле человека её столько?

В голове туман, мысли путаются. Я вижу, как уходит жизнь из тела Питера. Мне кажется, что она покидает и меня.

— Питер? Ты меня слышишь?

Он ещё дышит — тяжело, с хрипами. Грудь рвано поднимается и опускается. Губы шевелятся, пытаясь что-то сказать, в уголках рта пузырится кровь. Всё в глазах расплывается, я пытаюсь взять себя в руки.

Я рву рубашку, чтобы сделать перевязку, но руки двигаются медленно. Краем глаза я вижу: то Джон падает, то Антонио раздаёт приказы, то Пол вцепился ему в ногу, и тут же раздаётся выстрел и собачий визг.

«Это я виновата, — бьётся панической мыслью. — Если бы не моя глупость…»

— Питер, — шепчу, пытаясь наложить жгут. — Не умирай! Я тебя спасу!

— Прекратить этот балаган! — раздаётся голос Антонио. — Трупы — в море, женщину в фургон.

— Он ещё не труп! — кричу я, закрывая руками его тело.

Меня отрывают, выкручивают плечо, рывком поднимают. Контрольный выстрел — Питер последний раз вздрагивает и застывает.

В ту же секунду моё сердце осыпается пеплом. Время останавливается. Окаменели мужчины с автоматами, застыл Антонио, даже ветер угас. Боль, ужас, ярость покинули меня. Мир погрузился во мрак.

Я замираю перед истиной, открывшейся мне так поздно.

Тщеславие, работа, честолюбие… Всё это пустое. Главное — любить! Дарить самому дорогому человеку себя, своё тепло, заботу, нежность. Ему, родному, единственному. Дарить, пока это возможно, пока жива, пока дышу.

— Господи, прости меня! Прошу, верни мне мою любовь! — кричу я в пустоту, но из горла не вылетает ни звука. — Ведь ещё не поздно…

Я очнулась в кромешной тьме. Тело дрожало от холода, сердце стучало медленно и слабо. Через несколько секунд комнату залил яркий свет, чьи-то руки убрали дыхательную трубку, вынули катетеры,

выключили приборы. Меня укрыли тёплым электропледом, приподняли подушку. Отовсюду раздавались смех и возгласы:

— Виктория, ты смогла! Эксперимент удался! Ты молодец!

Я была в шоке, переводила взгляд с одного знакомого лица на другое: Зайкари, Джон, Кир, Роберт… Вся команда здесь, улыбаются… Живые…

Дрожь пронеслась по телу. Боже! Это был сон? Только сон? Этот кошмар, ужасающая безысходность — лишь сон? Меня трясло, я не могла вымолвить ни слова. Цветы, поздравления, счастливые лица… Всё прошло мимо меня, сердце колотилось, мозг не мог осознать резкий переход.

Сон… Такой яркий и достоверный. И такой ужасно правдоподобный. Я обвела рассеянным взглядом комнату.

— Нам удалось, — наконец хрипло смогла я выдавить, — мы молодцы… Вытаскивайте меня отсюда, хочу кофе.

Спустя две недели после эксперимента мы запустили первого пациента. Им стал Дональд Мейсон, наш шестидесятитрёхлетний хирург на пенсии, согласившийся на эксперимент. Дональду было нечего терять: у него обнаружили неоперабельную опухоль мозга.

Такие опухоли размножаются быстро. Если нам удастся закапсулировать пока ещё маленькое образование, то Дональд встретит свой юбилей.

Всё это время меня исследовали, брали анализы, смотрели на УЗИ. Показатели были в норме, но коллеги меня не узнавали. Я стала тихой и задумчивой, былой оптимизм и энергия исчезли. Почти всё время молчала, ходила погружённая в себя. Я до сих пор не могла поверить, что всё произошедшее было сном: снились кошмары, я вздрагивала, когда случайно слышала прогноз погоды по телевизору…

Дональд сдал анализы — результаты были изумительны. Все вокруг восхищались, а я с нездоровым любопытством выспрашивала: что ему снилось?

— Не помню, — рассеянно отвечал Дональд, — что-то хорошее.

Меня выдвинули на награду в области экспериментальной хирургии. Нашей технологией капсуливания заинтересовались многие. Пришёл запрос от анонимного миллионера: сможет ли даст наш метод остановить старение, продлить жизнь?

Я только посмеялась. На что такая жизнь, если ты спишь, а мир идёт мимо? Какой смысл в этом?

Жизнь ценна только здесь и сейчас, в этот момент. Не нужно её откладывать — будущее может не наступить.

Прошло полгода после того сна. Наши экспериментальные образцы трудились на полную мощность. Проект набирал обороты — появились спонсоры, открылись новые возможности, нас приглашали на конференции и лекции.

Впервые за многие годы я позволила себе расслабиться. Даже три раза сходила на свидания, но ничего из этого не вышло: мой бравый полковник из сна до сих пор занимал все мои мысли. Он, как живой, стоял перед глазами. Сердце сжималось от боли, стоило вспомнить его окровавленное лицо. Я боролась с собой, убеждала, что это только сон — никакого Питера, ни солнечных вспышек, ни апокалипсиса не было. Но тревога не проходила. Всё казалось слишком ярким, слишком настоящим.

Однажды вечером я заехала в супермаркет за продуктами. Возле стоянки сидела, привязанная за длинный поводок, знакомая овчарка. По-видимому, ждала хозяина. Я, не веря глазам, остановилась и тихо позвала:

— Пол?

Собака обернулась. Я замерла.

— Пол? Хороший мой, это ты? — пролепетала я, замирая.

Овчарка внимательно смотрела на меня: тот же умный, почти человеческий взгляд, белая полоска на лбу, дорогой ошейник с биркой.

Из магазина вышел пожилой мужчина с военной выправкой. Он бросил быстрый взгляд на меня и дружелюбно поинтересовался:

— Вам понравился мой красавец?

— Да, — ответила я ошеломлённо, ещё не осознавая происшедшего, — у меня был такой же…

— Прекрасная собака, — улыбнулся он. — Овчарки — умные, преданные. Хотите щенка? Я знаю хорошего заводчика.

Я на автопилоте взяла его визитку.

— Ну, мы пойдём? — он протянул руку для пожатия. — До свидания. Пока, Пол.

Овчарка вильнула хвостом и двинулась за хозяином. А я всё стояла и смотрела им вслед, не в силах оторваться.

Оказывается, пёс из моего сна существует наяву… Совпадение или провидение?

Весь вечер и полночи я думала о случившемся. «Невозможно, — твердила я, бродя по квартире. — Бред…» В три утра я решилась: включила ноутбук и набрала в поиске: «Питер Калед». Запрос выдал сотни совпадений, но под утро я нашла: «Питер Калед, полковник ВВС США. В данный момент местоположение засекречено…»

«Я знаю, где его местоположение», — подумала я, окончательно запутавшись в своих чувствах.

На следующий день я объявила, что беру отпуск. Меня охватило нетерпение — ни есть, ни работать не могла, пока не выясню, был ли это всего лишь сон. И существует ли на самом деле мой Питер.

Я поехала по знакомому маршруту своего сна. Ехала мимо ферм, поселков — и всё было до боли знакомо: вот дом, в котором жила неделю, вот — из которого сбежала, вот заводь, где ловила рыбу, и роща с орехами. Я уже ничему не удивлялась, просто ехала навстречу своей судьбе, надеясь найти военную базу без навигатора.

Как меня встретит Питер? Захочет ли поговорить?

База выглядела именно такой, как я её помнила, только без белой надписи на стене. Шлагбаум внутренних ворот был закрыт, я остановила машину в буферной зоне. К окну подошёл мужчина в форме, с автоматом.

— Пропуск?

— Добрый день, — поприветствовала я, высовываясь из окна. — Мне нужно увидеться с Питером Каледом.

— Как вас зовут? Как вы узнали о базе? — холодно спросил солдат.

— Мне действительно очень нужно встретиться с полковником, — умоляюще взглянула я. — Я Виктория Фрайди. Вот мои документы, — я протянула права.

— Чарльстон? — переспросил солдат, удивлённо взглянув на меня. — Заблудились?

— Пожалуйста, позовите полковника, — попросила я, смущаясь. — Это… личное.

Военный усмехнулся.

— Я спрошу, сможет ли он выйти.

Я вышла из машины и стала ходить кругами. Внутри всё дрожало. А вдруг он женат? Другой? А если я ему не понравлюсь, не узнает? Сотни «а вдруг...» терзали меня.

Вот и Питер. Через дорогу ко мне направляется высокая фигура в летней форме и солнцезащитных очках. Это он. Сердце замерло, ладони вспотели. Я прожигала взглядом его знакомое лицо, такое родное. Короткий ёжик волос, упрямый подбородок… Он жив!

Увидев меня, он словно натолкнулся на стену — остановился. Снял очки. Я с жадностью вглядывалась в его глаза. Узнавание? Интерес? Или только любопытство?

Он подошёл ближе.

Мы стояли друг напротив друга и молчали. Горячий ком в горле, слёзы подступали к глазам.

— Ты женат? — наконец прохрипела я.

— Нет, — рассеянно произнёс мужчина и добавил, нахмурившись: — Мы с вами нигде раньше не встречались, мисс…?

Он сделал паузу, давая представиться.

— Виктория, — выдохнула я. — Виктория Фрайди. И мне столько нужно тебе рассказать…

Конец